

**Амурская областная научная библиотека
имени Н. Н. Муравьева-Амурского**

Отдел читальный зал

РОЖДЁННЫЙ СВОБОДНЫМ

Памяти Бориса Черных

Информационно-методические материалы

Благовещенск
2013

Рождённый свободным : памяти Бориса Черных : информ.-метод. материалы / Амур. обл. науч. б-ка им. Н. Н. Муравьева-Амурского ; сост. В. В. Соломенник. – Благовещенск, 2013. – 92 с. + 1 электрон. опт. диск (DVD-ROM). – (Русские судьбы: амурские писатели).

Составитель : В. В. Соломенник

Ответственный за выпуск : Н. Г. Долгоруков

Верстка : Т. В. Лобовкина

© Амурская областная научная библиотека
имени Н. Н. Муравьева-Амурского

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

А. Вампилов, В. Распутин, Б. Черных...

В юности в шестидесятые годы, все трое были знакомы, дружили, читали одни и те же книги...

Судьба одного оборвалась в самом начале расцвета – Александр Вампилов. Судьба второго преобразовала в большого писателя – Валентин Распутин. А вот о третьем, чья жизнь также связана с Сибирью, с Иркутском, – мы до некоторого времени знали меньше всего: Борис Черных. И хотя проза Бориса Ивановича Черных печаталась во всех центральных литературных изданиях, этот писатель только в начале 90-х годов прошлого века стал понемногу приходить к нам. Ему выпало прожить «драму идей» советского времени. И прожил он ее достойно. По своей творческой манере, по мировоззрению Черных – «почвенник».

Борис Иванович Черных – замечательный прозаик, острый публицист, граждански мужественный человек. Печатался в журналах: «Юность», «Новый мир», «Сибирские огни», «Дальний Восток», «Рубеж», «Грани», «Континент», «Москва», «Родина», «Огонёк», «Крестьянка». В газетах: «Литературная Россия», «Литературная газета», «Амурская правда», «Амурская неделя», «Амурский комсомолец», «Амурские вести». Книги выходили в издательствах «Советский писатель», «Огонек», «Терра», «Европа».

Литературный талант высоко оценили такие выдающиеся мастера слова, как Александр Солженицын, Фазиль Искандер, Валентин Распутин, Виктор Астафьев, Валентин Курбатов, Вячеслав Кондратьев, Булат Окуджава, Алексей Варламов. О творчестве Бориса Черных написаны критические заметки, юбилейные статьи, но достойной писателя книги о его жизни и творчестве пока нет.

Предлагаемый информационно-методический материал представляет личность Бориса Ивановича, основные вехи его биографии, определяет значимость его художественных произведений. Творчество Б. И. Черных, члена Союза писателей России, обогатило не только литературу Приамурья, но и всего Дальнего Востока, оно заняло свое определенное место в общерусской литературе.

Данный сборник состоит из шести разделов. В первом представлена личность Бориса Ивановича Черных – «мятежного странника», показаны его уникальная жизнь и судьба. Второй раздел посвящен общественной деятельности Б. Черных, раскрывает гражданскую позицию писателя, патриота, подвижника, христианина. Третий раздел знакомит с пуб-

лицистическими работами Бориса Ивановича, раскрывает его мастерство очеркиста. В четвёртом разделе анализируются художественные произведения Бориса Черных, обозначаются их тематика, проблематика, поэтика, система образов и типология персонажей. Особое место занимает пятый раздел, в котором своими воспоминаниями о Борисе Ивановиче и оценками его творческого наследия делятся его современники. Шестой раздел содержит методические рекомендации к изучению жизни и творчества Б. И. Черных на уроках литературного краеведения.

Литература в библиографическом списке сгруппирована в двух разделах: «Произведения Б. И. Черных» и «Литература о творчестве Б. И. Черных».

Сведения, предложенные в сборнике, могут быть полезны широкому кругу пользователей: библиотечным работникам, преподавателям, учащимся, читателям, интересующимся творчеством амурских писателей, состоянием литературного процесса Приамурья.

Данный информационно-методический материал является вторым выпуском из краеведческого цикла «Русские судьбы: амурские писатели».

ЖИЗНЬ И СУДЬБА Б. И. ЧЕРНЫХ: МЯТЕЖНЫЙ СТРАННИК

*Счастлив, кто падает вниз головой,
Мир для него хоть на миг, но иной.*

В. Ходасевич

Борис Иванович Черных родился в трагическом для России 1937 году, в котором погибло в концлагерях и до сих пор малоизвестных местах множество православных и буддийских священников, казаков, студентов, учителей, профессоров, писателей, поэтов, военных и простых русских людей. Появился на свет будущий писатель 13 июля в городе Куйбышевка-Восточная (ныне Белогорск) в семье рассказаченных Ивана Дмитриевича и его жены Августы Васильевны.

Как заметил писатель-правозащитник Геннадий Хороших: «В судьбе Бориса Черных есть какая-то мистика: будущий зэк. Будто в насмешку, родился в 1937 году – пик репрессий, 13 июля – в день казни декабристов».

Дед, Георгиевский кавалер, урядник Дмитрий Лаврентьевич Черных был расстрелян чекистами в 1927 году. Дед со стороны матери, Василий Яковлевич Самсонов, атаман старейшей на Амуре станицы Албазинской, умер в 1928 году.

Борис Черных писал: «Мой род пошёл из Забайкалья на Амур вместе с генералом Муравёвым и осел в знаменитой станице Албазинской. В Томск Амурский архив перебросили в годы последней войны. Мы боялись, самурай грянет на русский берег, – так в Томске я отыскал подлинные документы конца XIX – начала XX столетий. В том числе докладные станичного атамана Василия Яковлевича Самсонова, моего деда по материнской линии, и росписи Георгиевского кавалера Дмитрия Лаврентьевича Черных, моего деда по отцовской линии. Как не гордиться предками...».

В 1956 году, после окончания Свободненской средней школы № 9, Черных поступил на юридический факультет Иркутского университета, но уже вскоре понял, что профессия юриста не является его призванием, его больше манили журналистика, писательство и общественно-политическая деятельность. Первые литературные опыты Бориса Черных уже были заметны. Его рассказ «Юнкер Корецкий» хвалил Вампилов. Черных пришёл в журналистику, работал в иркутской газете «Молодёжка» и был очень активен.

После окончания Иркутского государственного университета, Борис

Черных прошёл школу комсомольской работы, был принят в штат областной молодежной газеты. Вот как об этом рассказывает сам писатель в интервью с амурской журналисткой Юлией Климычевой: «Я уже был членом Союза журналистов, печатался в областных газетах. И мой соратник Саня Вампилов прозвал меня работать в молодежную газету. Одновременно, узнав об этом, первый секретарь Иркутского обкома комсомола говорит: “Борис, ну что ты пойдёшь в газету, когда ты можешь работать у нас и курировать эту самую газету?”. Я ответил, что курировать не могу и не хочу, потому что там работают мои друзья. Тогда секретарь обкома предложил мне участок работы на мой выбор. Я сказал: “Да, сектор творческой молодёжи. Но при одном условии – как только мы начнём с вами расходиться во взглядах, вы меня отпустите”. Так и вышло».

В трагической эпохе был короткий, как вздох, период с 1956 по 1964 год, получившее название «хрущёвской оттепели». Именно тогда в местные газеты Иркутска пришли молодые, казалось, исполненные сил и дерзости С. Иоффе, Ю. Балакирев, А. Вампилов, В. Распутин, В. Жемчужников и др. Тогда же со своими первыми опытами постучался в кабинет редакции молодежной газеты и студент юридического факультета ИГУ Борис Черных. Его приняли по-братски. Равные среди равных, молодые журналисты испытывали, пожалуй, больший интерес не столько к творчеству друг друга, сколько к личности: что ты представляешь собой изнутри, на какую планку нацеливает тебя твой дух?

Уже тогда обнаружилось особое свойство характера Бориса Ивановича. Он проявлял необычайное упрямство и последовательность в эмпирических разысканиях и неуступчивость в принципиальных вопросах.

В 1962 году Борис Черных был принят в Союз журналистов СССР по циклу очерков и статей в областной прессе.

В 1964–1965 годах Черных разворачивает на страницах иркутской «Советской молодёжи» дискуссию о молодом современнике. Ему хочется удержаться на гребне поднявшейся волны иркутских диспутов в студенческих аудиториях, катализировать критическое и поисковое сознание молодёжи, вовлечь в полемику новые интеллектуальные силы, разбудить умы сторонних наблюдателей.

Избранные страницы полемики о молодом современнике в «Советской молодёжи» перепечатывает чехословацкий журнал «Млада свет». Этого в то время было достаточно для увольнения из газеты. Лишь после вмешательства собкора «Известий» Л. Шинкарёва Бориса Ивановича восстановили на работе.

В конце 1965 года Борис Черных, являясь секретарем комсомоль-

ской организации, стал лидером иркутской комсомольской фронды, подготовил уникальный документ – письмо к XV съезду ВЛКСМ под названием «Что делать? Некоторые наболевшие вопросы нашего молодёжного движения» с предложением реформировать комсомол и партию с неортодоксальных позиций. Письмо Черных написал вдвоём с аспирантом кафедры философии Иркутского государственного университета Анатолием Поповым, талантливым человеком, и они готовили его к областной комсомольской конференции. Обсудили текст с секретарями комсомольских организаций, чтобы вынести его на съезд. Смысл письма заключался в том, что нужно реорганизовать ЦК по принципу: треть – молодёжь, треть – средний возраст и треть – «мудрецы». Черных в письме к XV съезду комсомола высказал ленинскую мысль о том, что «в ЦК партии нужны представители всех возрастов». Вот что сам Борис Иванович об этом говорил: «Письмо называлось по-ленински: «Что делать? Некоторые наболевшие вопросы нашего молодёжного движения». Сравните, у Ленина – «Что делать? Некоторые наболевшие вопросы пролетарского движения». Почти слово в слово! Эпиграф – из Ленина, цитаты – из Ленина. И сама мысль была очень близка к Владимиру Ильичу, потому что это был очень мудрый человек». Черных был уверен в том, что «одряхлевшие партocrats неизбежно приведут страну Советов к развалу, если они будут чувствовать, как им в бок тычет шилом молодёжь».

Как видим, Борис Иванович критиковал положение дел в комсомоле и предлагал реформировать и демократизировать «не только ВЛКСМ, но и всю советскую политическую систему». По тем временам эта мысль показалась невероятно крамольной. Хотя, как считает красноярский писатель-правозащитник и друг Бориса Черных Геннадий Хороших: «Это вообще носилось в воздухе – такие мирные революции. Вот Вилен Очаковский, тоже диссидент, считал, что если собрать самых активных и продвинутых комсомольцев, то можно в корне изменить деятельность комсомола, усовершенствовать, уйти от удушающей бюрократизации. Подобная мысль, очевидно, была и у Бориса».

Можно спросить: почему именно комсомол? Потому что в партийных структурах они не видели той опоры, которая смогла бы хоть что-то изменить. Это был монолит, он не реформировался. В комсомоле, как надеялся Борис Черных и его соратники, всё было не так безнадежно. Ведь задумана эта организация была неплохо, она скреплялась молодостью, энергией, – эти люди были способны мечтать, они могли многое! И сколько потом порушилось судеб...

«Нужно сказать, что такие люди, как Черных, как сменивший его Володя Сосунов, – они же не были антикоммунистами, они верили иде-

ям революции, идеям Ленина, они были в каком-то смысле детьми XX съезда. Они были революционными романтиками! И где можно было себя найти? В комсомоле, конечно», – пишет Геннадий Хороших. И продолжает: «Кстати, Борис никогда себя диссидентом не считал, как не считал и правозащитником. Он себя считал улучшателем. И споткнулся на тех, кого считал бюрократами, и потерпел поражение. Ведь чем закончилась история с письмом? На Бориса настучали, его заложили, письмо изъяли, до конференции оно не дошло. Боря отсюда уехал на Дальний Восток, его уже тогда могли посадить».

Консервативная иркутская политическая элита оказалась невосприимчивой к новациям и отторгла реформатора. Борис Черных за письмо с «пакетом реформ» к XV съезду комсомола был исключен из КПСС, уволен с работы и вынужден уехать на Дальний Восток.

Некоторое время писатель жил в Свободном, затем – во Владивостоке, где был принят в областную комсомольскую газету. Но вскоре был уволен за публикацию своих мыслей. Черных уехал в небольшой рыбацкий посёлок в Магаданской области и стал работать учителем истории, литературы и физкультуры в местной школе. Здесь он прочитал всего Ленина (более полусотни томов), Плеханова, тридцатитомного Герцена и все тома Макаренко и Энгельса. В средней школе рыбацкого посёлка Армань Борис Черных создаёт с учениками и наставниками Республику Советов Депутатов Учащихся, пытаюсь практически утвердить в школах начало истинного самоуправления, стремясь изобрести новые формы детского самоуправления. Увы, республику постигает печальная участь. И его опять уволили. Десятиклассника Олега Бойко, стоявшего во главе республики, тремя годами позже по организованному навету отчислили с исторического факультета Кишенёвского университета. Потом пять журналов отказались напечатать повествование об этой истории.

Начались скитания, и везде Черных начинал хорошо: ученики его любили, преподаватели восхищались. Потом кто-нибудь доносил на него – и его изгоняли.

Со школой Борис Иванович расстался, служил в арманском зверосовхозе рабочим. Но со временем пришлось уехать поближе к Москве. Поселился во Владимире, стал автором журналов «Новый мир» и «Юность». В журнале Твардовского его наставником стал замечательный редактор Юрий Бурдин. Но тут «Голос Америки» сделал передачу о трагической судьбе русского офицера, используя для неё очерк Черных о военном топографе, напечатанном в «Юности». После этого редактор «Юности» Борис Полевой не мог его печатать.

1970 год. Черных работает разъездным корреспондентом журнала

«Юность». Позади тяжёлые вехи общественных катаклизмов: оккупирована Чехословакия, разгромлен «Новый мир» А. Твардовского, на политических процессах клеймят «отщепенцев». После изгнания из Союза писателей А. И. Солженицына в 1971 году Борис Черных написал обращение в правление Союза писателей РСФСР с требованием восстановить в Союзе исключённого оттуда А.И. Солженицына, поехал на Котельническую набережную и вручил его секретарям правления. Естественно, что вскоре имя Черных исчезло с газетных полос.

Начинается работа в стол. Едва сводя концы с концами, Борис Иванович решается на возвращение в Иркутск, город студенческой юности. Вернувшись, Черных написал письмо в Политбюро ЦК КПСС с предложением об отставке Л. И. Брежнева, за что был исключён из Союза журналистов и лишён права преподавания. Таким образом, Борис Иванович в очередной раз оказался не у дел. На работу не брали, на что жить – он не знал. Черных показывал свои рукописи Валентину Распутину, Дмитрию Сергееву, Фазилю Искандеру – и все сказали, что ЭТО нужно поскорее спрятать.

История жизни Бориса Ивановича Черных, как видим, достигла кульминации, хотя описания главных и тяжелейших испытаний, выпавших на его долю, ещё впереди.

Случай свёл Бориса Черных с председателем колхоза имени Кирова Тулунского района. Колхоз П. Царёва по меркам тех лет был крепким, лучше многих. Председателю очень хотелось получить профессионально сделанную летопись трудовых побед, что он и поручил Борису Ивановичу.

И пошёл Черных, как в песне, «с сумой на плечах», отмеряя на сельских дорогах сажени и вёрсты, а в сумке той, кроме мыла да смены белья, школьные общие тетрадки в коленкоровых переплётках да неровно заточенные карандаши. И началась у Бориса Ивановича совершенно иная жизнь, и не ведал он в то время, куда приведёт его этот путь.

Он помнил завет нашего великого изгнанника: успеть записать живые свидетельства современников. Месяцами жил в деревнях, ночуя то на сеновале, то прямо в поле. Он стал своим среди деревенских мужиков и баб, стариков и старух, которые доверились его тетрадкам и его душе. Погрузившись в прошлое, в далёкую юность своих собеседников, Борис Иванович вернулся к истокам, осмысливая крестьянские судьбы в связи с судьбой страны, вовлечённой в трагический эксперимент. «Я понимал, – скажет он позже, – работая над рукописью, что возвращаю долг предтечам».

Вероятно, это понимали и мужики колхоза имени Кирова, которые так привязались к автору будущей «Истории одного колхоза», что пре-

дупреждали его о наездах парторга Н. Кузнецова: уж очень того интересовало, где и с кем бывает Черных, о чём говорит.

Возвратившись в Иркутск, Борис Иванович с головой окунается в работу в областном архиве, тщательно изучает всё, что произошло в годы «великого перелома». На его столе книги Можаяева и Овечкина, Залыгина и Дороша, он перечитывает «Письма из деревни» Энгельгардта, «Власть земли» Успенского, «Илимскую пашню» Шерстобоева. Создаётся авторская концепция развития колхозного строя в стране, трагическая в своей основе, лёгшая в основу художественно-документального исследования о сибирском крестьянстве «Старые колодцы».

Прочтение своего бессонного труда Борис Черных доверил известным литераторам своего времени: Ю Чередниченко, Ф. Искандеру, Ю. Буртину, В. Распутину. По праву старого товарища познакомился с рукописью и иркутский писатель-правозащитник Г. Хороших. После того, как журнал «Наш современник» отказался печатать исследования по цензурным соображениям, и разговоры о рукописи вышли за пределы узкого круга, начались гонения на их автора. П. Царёв вынужден был уничтожить машинописный вариант. У самого Б. Черных было три выхода. Либо издать нечто вроде «Краткого курса истории одного колхоза» – такое, что можно было сразу опубликовать, а потом, ориентируясь на «линию партии», переиздавать с добавлениями и исправлениями. Либо переправить рукопись за границу. Но при этом его могли или посадить, или выдворить из страны – лишить гражданства. Но Борис Иванович сказал однажды, что насильно с родной земли его «смогут отгрузить только вперёд ногами». Оставалось третье – спрятать рукопись до лучших времён. И в целлофановом пакете она была спрятана в подполье гаража дальних родственников Б. Черных – супругов С. и Э. Василюков. Единственная же машинописная копия рукописи сохранилась у старожительницы (ныне покойной) из Глазковского предместья Иркутской области Е. Краевской. Спасибо хранителям русской словесности! Это благодаря им весной 1987 года известный публицист Анатолий Стреляный, в то время сотрудник «Нового мира», развернёт целлофановый пакет и вынет оттуда пожелтевшие от времени и немного потрёпанные листы...

Но вернёмся в 1976 год. Борис Черных, после долгих безуспешных попыток, нашёл себе работу в Ботаническом саду Иркутского государственного университета. Писатель в своей прозе везде называет себя Садовником, это красивое слово, на самом же деле он был там разнорабочим, кочегаром. Сам Борис Иванович говорил об этом так: «В Ботаническом саду я был именно садовником, а зимой ещё и кочегаром». Ему платили небольшую зарплату, в свободное время он мог занимать-

ся творчеством. И к нему снова потянулись ребята с его же бывшего школьного факультатива.

В 1977 году Борис Черных в одной из иркутских школ читал факультативный курс по литературе. На занятиях читали и обсуждали произведения, запрещённые в нашей стране. Но после жалоб некоторых родителей в КГБ на руководителя семинара занятия были прекращены.

В 1979 году Борис Иванович дал интервью корреспонденту московского самиздатского журнала «Поиски», одним из редакторов которого был известный московский историк М. Гефтер, с которым Черных был давно знаком. Под заголовком «Садовник из провинции» интервью с Борисом Черных – подробный рассказ о жизни провинциального писателя – было опубликовано в седьмом номере в декабре 1979 года.

Стали тайно собираться в Ботаническом саду. Борис Иванович там жил в небольшой избушке, территория большая, глаз посторонних нет. Чудесное место. Слушали классическую музыку, песни Окуджавы, писали и обсуждали стихи. Говорить можно было о чём угодно, спорить. Тогда, наверное, у Черных и вызревала мысль организационно оформиться в «Вампиловское книжное товарищество».

Геннадий Хороших вспоминает: «Я помню, как в 1981 году мы с ним гуляли по улице, и Борис говорил: «Вот как ты думаешь, если бы каждый учитель в нашей стране подготовил хотя бы одного честного ученика или не одного, а двух, трёх? Представляешь, что бы было?». «Представляю, – ответил я ему. – Было бы ещё несколько зон». И мы невесело рассмеялись.

Но так и родилось студенческое общество. Ребята собирались интересные, активные – яркие творческие личности. «Пойдут в школу и воспитают «несколько человек», и через какое-то время произойдёт ненасильственная революция...». Да, произойдет такая эволюционная революция. Но – не судьба», – мечтал Черных.

В студенческие годы Б. И. Черных познакомился с будущим сибирским писателем А.В. Вампиловым, нравственные и творческие искания которого ему импонировали. Поэтому не случайно он предложил назвать возникшее вокруг него в Иркутске в начале 1980-х годов молодежное литературное сообщество Вампиловским книжным товариществом. Это был своеобразный неформальный гуманитарный семинар, на котором обсуждались актуальные литературные, философские, исторические и нравственные проблемы, интересовавшие молодых людей. Наряду с этим заработало свое «издательство», которое напечатало самиздатским способом несколько выпусков альманаха «Литературные тетради». В то же время «вампиловцы» под руководством Б. И. Черных пытались осуществить чрезвычайно смелую для того времени задачу – разработать программу

литературного, нравственного и эстетического образования молодого поколения, основанную на лучших образцах отечественной и мировой культуры. Но эти начинания были прерваны иркутскими консерваторами и местными силовыми органами. Они посчитали деятельность Вампиловского книжного товарищества подрывом существующих идеологических и политических устоев.

В мае 1982 года «Вампиловское книжное товарищество» было запрещено КГБ, Б.И. Черных, как его лидера, задержали. Борис Иванович был арестован органами КГБ 26 мая 1982 года. Его обвинили в создании семинара «Вампиловское книжное товарищество», в написании и распространении повестей, рассказов, дневников, критических писем в Политбюро ЦК КПСС, в хранении тамиздата.

Геннадий Хороших вспоминает: «Я, кстати, часто думаю, почему Бориса арестовали именно 26 мая 1982 года? Могли бы арестовать и до и после. Ведь серьёзного повода не было: арестовали абсолютно на равном месте. Хотя предчувствие у него, конечно, было – помню, пришёл ко мне расстроенный, неразговорчивый: пропали дневники. Он чувствовал руку ГБ».

При обыске квартиры, где жил Борис Черных были изъяты его рукописи, в том числе повести «Садовник в провинции» и «Маленький портной».

Арестованного писателя поместили сначала в Омскую психиатрическую лечебницу, оттуда перевезли в Лефортово, а затем в институт имени Сербского.

На суде выступил общественный обвинитель – преподаватель иркутского университета, известный своей строгостью и принципиальностью Владимир Фаддеевич М. Он, осознавая, что принимает участие в «историческом событии», говорил о значении действия слова на человеческую жизнь. Присутствующие восприняли эту речь двояко: возможно, она была составлена в расчёте на будущее.

Адвокат говорил сбивчиво и неуверенно. Да и мог ли он повлиять на судьбу подсудимого, осмелившегося сделать попытку разобраться в том, что происходило в его стране? Адвокат познакомил присутствующих с личностью подсудимого, этапами его жизни и деятельности.

Поэты-шестидесятники Евгений Евтушенко и Булат Окуджава прислали в суд просьбу о смягчении наказания писателю, для которого «служение общественным интересам было более потребностью, чем обязанностью».

Получив право последнего слова, подсудимый Борис Черных, с душой, полной смятения и надежды, прочёл пушкинские строки:

*Когда для смертного умолкнет шумный день
И на немые стогны града
Полупрозрачная наляжет тень
И сон, дневных трудов награда,
В то время для меня влачатся в тишине
Часы томительного бденья...*

«Весной 1983 года, – вспоминает бывшая студентка Иркутского государственного университета Любовь Волкова, – Иркутск, всегда славившийся политической активностью, стал свидетелем уникального по своему цинизму события: судили непокорного писателя Бориса Черных. Помнится, открытым сделали тогда заключительный акт – вынесение приговора. Я не была членом «тайного» общества в числе бывших учеников Бориса Ивановича и с ним ранее не была знакома. Так что видела его на процессе впервые. Каким он мне запомнился? Невысокий грустный человек, усталое, умное лицо...».

Всё, что происходило в зале суда, по сути, абсурдно: судили Слово, наказывали человека, представляющего это Слово. Но слово нельзя наказывать, посадить за решётку, отправить в лагерь – оно остаётся с людьми. Осталось с людьми и Слово писателя Бориса Черных.

В апреле 1983 года Бориса Ивановича приговорили к пяти годам заключения и трём годам поселения за «антисоветскую деятельность». Прокурор просил семь лет! Это был жесточайший приговор.

В «Озимях» у Черных есть воспоминания об этом. Сначала ему предъявили обвинение по статье 190 прим., потом переквалифицировали на 70-ю, хотя материала явно не хватало, это статья политическая. Когда стало ясно, что материала на 70-ю статью не хватает, и они не знали, что с ним делать, его хотели посадить в психиатрическую больницу. Но Борис Иванович умудрился написать записку на имя Дмитрия Сергеева и выбросить её в окно – о том, что его увозят в психиатрическую больницу в Омск. Записку передали, Дмитрий Гаврилович принял меры, об этом узнала Москва, узнали в «Русской мысли», и с психиатрической больницей ничего не получилось. Омские врачи повели себя достойно и шизофрению Бориса Черных не поставили.

Во втором томе своего двухтомника «Избранное» (2007) Борис Иванович пишет и о допросах, и о поведении знакомых, друзей и просто любопытствующих на его суде.

Красноярский писатель Виталий Диксон так характеризует арест и суд Бориса Черных: «После дела Синяевского и Даниэля в 1965 году спустя 17 лет это был первый политический процесс над литераторами провинции. А основанием для ареста послужили литературные тетради,

три машинописных выпуска... И чтобы «восстановить историческую справедливость», нужно, по-моему начать не просто с реабилитации имени, а с издания литературных тетрадей Бориса Черных».

Приведём историческую справку: «В 1966 году 10 февраля в Московском областном суде завершился процесс над писателями Андреем Синявским и Юлием Даниэлем, который шёл более года. Литераторов обвинили в написании и опубликовании на Западе произведений, порочащих советский государственный и общественный строй». Но как КГБ узнал, что за псевдонимом Абрам Терц скрывается Синявский, а Николай Аржак – это Даниэль, до сих пор неизвестно. Считается, что утечка информации произошла за пределами СССР. Суд вынес приговор по статье 70 УК РСФСР «антисоветская агитация и пропаганда»: семь лет строгого режима – Синявскому, пять – Даниэлю. Оба писателя не признали себя виновными. После освобождения в 1973 году Синявский переехал во Францию на работу в Сорбонну и не лишился советского гражданства. Даниэль остался в СССР. В 1991 году все обвинения были сняты за отсутствием состава преступления».

Мы не зря упомянули дело Синявского и Даниэля. Просматривается прямая аналогия: Борис Черных для литературной и общественной жизни Иркутска был тем же самым, чем были Андрей Синявский и Юлий Даниэль в Москве. Во всяком случае, это было первое такое дело – литераторов в Иркутске прежде не судили, если не считать 1930-е годы. Черных был осуждён по статье «Антисоветская агитация и пропаганда».

Между прочим, в процессе по делу Синявского было вынесено частное определение Фазилу Искандеру. Дмитрию Гавриловичу Сергееву, единственному из иркутских литераторов, тоже вынесли частное определение по делу Бориса Черных. Как превентивная мера – чтобы показать «этим литераторам», что зоркое око всё видит и предупреждает за участие, сочувствие, содействие, покровительство.

Приведённый эпизод из жизни Б. И. Черных является наиболее драматическим, но у него было немало и других жизненных ситуаций, когда ему приходилось идти против господствующего общественного течения, набивать себе «шишки», выступая в роли «возмутителя спокойствия» и борца за правду.

Геннадий Хороших пишет: «Наказание не убило Бориса Ивановича как личность. То есть органы не добились своего, а получили обратный результат. Лишение свободы оказало на него огромное влияние, но как личность он мало изменился. Он тогда разработал свою теорию поражения. «Побеждает тот, кто умеет проигрывать».

С 1983 по 1987 год Борис Черных отбывал наказание в лагере для

политических заключённых на реке Чусовой в Пермском крае. В этом месте находилось пять зон для политических заключённых. Писатель вспоминает: «Работали мы на износ. Трудовая норма была в три раза выше, чем на обычных предприятиях, а получали мы в три раза меньше. Деньги, которые мы получали, тратили на подписку на журналы и газеты. Я выписывал «Педагогику».

Находясь в заключении, Черных выписывал на свою зековскую зарплату книги, педагогические журналы и штудировал их. У него была сверхидея – написать «Урийскую дидактику», педагогическую книгу, потому что пятнадцать лет он отдал школе, и считал, что такая книга нужна современному обществу.

Но в политзоне Борису Черных пришлось пережить и много неприятных часов. Геннадий Хороших пишет: «Борис Иванович получил больше 300 суток штрафного изолятора за нарушение режима». Читатели могут напрямую понять – нарушал политический заключённый режим. Стремясь показать несведущему читателю реальную картину своей жизни в тюрьме, Борис Черных приводит примеры нарушения им тюремного режима в брошюре «Дело было в прошлом веке... Штрихи к портрету Б. Черных», выпущенной к 70-летию писателя в Красноярске:

«1. За чаем в бараке в день рождения Пушкина я читал на память его стихи. Это нарушение – читать вслух Александра Пушкина. 10 суток ареста, в ШИЗО, без бушлата, на голых досках. + 12° в камере.

2. При гриппе и температуре + 39° освобождён лагерным врачом от работы, постельный режим. Дежурный капитан (фамилия – Рак) приказывает встать и в колонне зеков идти на обед в столовую. На улице -20° и метель, да встать я не могу. Супец мне принесут в банке приятели. Так было всегда. Но сейчас – это нарушение режима. После обеда зеков уводят в промзону (рабочий день). А меня в исподнем солдаты вынают из постели и уносят в ШИЗО. 12 суток ареста.

3. Осенью самосвалы завозят картошку в склад, на зиму. Из кузова на колдобинах выпадают в кювет картофелины. Поднять 2–3 картофелины, сварить на плитке в алюминиевой кружке благодать почти домашняя. Но тотчас – по сигналу стукача прибегает дежурный офицер: «Черных, где взяли картошку?» – «В кювете». Нарушение режима, 10 суток ШИЗО.

4. Бег на спортплощадке в положенное время после рабочей смены. Но положено играть в волейбол, а бегать вокруг площадки – нарушение режима. Особенно если политзэк идёт на 3–4 км. Это разлагает, т.е. водоушевляет, зеков. Будь сказано – на зоне я пробежал более 3 тысячи километров. Трижды наказан за длительные дистанции штрафным изолятором.

Кстати, когда меня больного бросили в ШИЗО, зона встала на забастовку. Тогда меня перебросили в другую зону. Там, возвращаясь из рабочей камеры в жилую (да, опять ШИЗО, но уже в чужой зоне), в тумбочке, где у меня полотенце, мыло, зубная щётка, я нахожу мёртвую крысу. Сразу появляется офицер, осматривает тумбочку: «Черных, почему в тумбочке вы держите мёртвую крысу?» – молчание. «Нарушение режима». Акт. Добавляется пять суток ШИЗО. И так не единожды.

Когда указ М. Горбачёва об амнистии настиг нас, я единственный на зоне оставался в ШИЗО. Оттуда меня вывезли в Пермскую тюрьму».

Но не в характере рождённого свободным сдаваться обстоятельствам. Борис Иванович искренне верил, что ему помогают высшие силы: «Странно, в самом деле, мои рассказы светлы. Но рядом со мной, начиная с Омской психушки, был и есть Христос. Я видел его въяе в оттаявший глазок камеры в психушке. Он сидел на камне и перекрестил меня. С тех пор я под Его опекой».

В 1987 году по запросу депутата Верховного Совета Федора Бурлацкого Борис Черных был освобожден, а в 1990 году полностью реабилитирован.

Освободившись из тюремного заключения, Борис Иванович первым делом пошёл в церковь. Он снова надел крест, который был на нём во младенчестве, окрестил своих детей. Андрей Грохольский в статье посвящённой памяти Бориса Ивановича Черных и опубликованной в декабрьском номере тихоокеанского литературного альманаха «Рубеж» за 2012 год пишет: «Слова «русский путь», «русский крест», «русский берег» станут для него как для русского человека, русского писателя главными. Мог ли тогда, в далёком 1982, Борис Иванович предположить, что пройдёт путь Федора Михайловича – от бунтаря и заговорщика левого толка – к патриоту и христианину?».

Борис Иванович признаётся: «Выпустили нас, потом реабилитировали. И началась моя подлинная жизнь уже с 1987 года, когда я напечатал всё. Точнее, почти всё – одну вещь я держу в столе для посмертной публикации, чтобы поддержать моего младшего сына Митю. Это повесть «Садовник», кстати, они мне её тоже в приговор вставили. Решили, что антисоветчина. Хотя там ничего антисоветского нет – там моя биография, написанная правдиво».

В 1987 году, после освобождения из политзоны, этому предшествовала начавшаяся в стране перестройка, а вместе с ней и либерализация общества. Первое, чем порадовала недавнего узника открывшаяся ему свобода, было возвращение ему рукописи повести «Садовник». Увы, другую дорогую сердцу рукопись – повесть «Маленький портной» – он так больше никогда и не увидел. Писатель попытался восстановить её,

но ему удалось воспроизвести только небольшую часть произведения, которая по объему и по структуре дотянула только до рассказа.

Возвращение Бориса Черных в литературу было стремительным. Теперь ему не нужно было бояться того, что его произведения так и останутся ненапечатанными или же лягут в сейфы советской политической охраны. Пришло время, о котором десятилетиями мечтала передовая часть советского общества – время демократических преобразований, гласности, свободы мысли.

Пришло время, и мы узнали, что рукописи «ненадлежащего» вида с большим энтузиазмом были приняты редакциями журналов «Новый мир», «Сибирские огни», «Крестьянка». Рассказ «Плач перепёлки», опубликованный в журнале «Огонек» с предисловием Ф. Искандера, стал лауреатом. Находящийся в эмиграции русский историк Александр Некрич определил исследование о сибирском крестьянстве как честнейшее и глубокое.

Рассказы прозаика печатают «Литературная газета» и «Литературная Россия», «Огонек». Документальная повесть «Озимь» увидела свет в престижном журнале «Грани». Не забывает Борис Черных и такой мобильный жанр, как публицистика, которая даёт возможность писателю говорить о насущном и наболевшем, прибегая к документалистике, анализу и философскому осмысливанию происходящего или же происходившего когда-то. Его очерки печатаются в центральных и местных изданиях.

Борис Иванович спешит выговориться, высказаться, создать что-то дельное. Генетическая боязнь, что всё кончится, что все, в конце концов, вернется на круги своя, видимо, жила в его подсознании и постоянно заставляла его творить. И он пишет, пишет, пишет... Но ему не удаётся удалиться от мира и заняться только литературным трудом. Виною тому его общественный статус – Бывшего Узника Совести. С ним ищут встречи известные и не столь известные российские литераторы, общественные деятели, журналисты, просто те, кому был необходим совет умного, много выстрадавшего человека. Ищет встречи с людьми и сам Черных, хотя за ним издавна ходит слава человека недоверчивого, осторожного, замкнутого. Кстати, причину этой замкнутости и недоверия Борис Иванович объяснил писателю Алексею Воронкову: слишком часто его предавали, слишком много он натерпелся от тех, кому доверился и открылся душой.

Период, начиная с конца восьмидесятых и до конца девяностых, пожалуй, является самым звездным часом для недавних узников совести. О них говорят в обществе восторженно, ими восхищаются, им воздаётся по заслугам. Ещё не пришли времена, когда страна впадает во всеоб-

шую депрессию, когда обесценились нравственные качества человека. Ещё торопится история запечатлеть триумф героев, называя бывших диссидентов предтечей российских перемен. В эти годы центральная студия документальных фильмов снимает часовую картину о творческом и подвижническом пути Черных. Фильм этот увидели потом в восьми странах Западной Европы, но, как сказал писатель, от отечественного зрителя он по каким-то причинам был утаён.

В это время в библиотечке журнала «Огонёк» вышла первая книжка Бориса Черных «Плач перепёлки». Огромным тиражом – 150 тысяч экземпляров. Но тираж привезли, а в продажу пустили малую толику. Кто-то дал соответствующее распоряжение. Затем вышла книжка «Гибель Титаника», тираж которой, по свидетельству Геннадия Хороших, вывалили на свалку. Как видим, делалось всё, чтобы о Черных как о писателе в Иркутске никто не узнал.

Начиная с девяностых и вплоть до приезда в Благовещенск, Борис Иванович проживал в старинном русском городе Ярославле.

Главным редактором учрежденной в 1990 году Ярославским областным Советом народных депутатов газеты «Золотое кольцо» Борис Черных стал на конкурсной основе.

На волне происходящих в стране демократических преобразований кандидатура реабилитированного после заключения писателя оказалась наиболее яркой и убедительной из представивших документы. За его плечами был опыт работы в дальневосточной «молодёжке», а потому формирование областной газеты, созданной на новой волне российской демократической прессы и, соответственно, ориентированной на острую политическую публицистику, стало испытанием не только для всего редакционного коллектива, но и для его руководителя.

Возглавляя областную газету «Золотое кольцо», Борис Иванович Черных, несмотря на свою внешнюю суровость, всегда поддерживал литераторов, поэтов и прозаиков.

Но постепенно первоначальный азарт к изданию ежедневной областной газеты, выход которой планировался по всему Золотому кольцу России, у Бориса Ивановича стал остывать, и он переключился на выпуск литературной газеты русской провинции (его собственное определение направленности издания) «Очарованный странник». Газета эта, благодаря усилиям его редактора, быстро приобрела авторитет и популярность у читателей и получила хорошие отзывы крупнейших писателей страны. Главная заслуга «Очарованного странника», как считал сам Борис Черных, состояла в том, что в этой газете много места традиционно отдавалось молодым дарованиям. Газета стала единой творческой площадкой не только для ярославского писательского сообщества. На

её страницах печатались стихи, проза, литературная критика, публицистика авторов, проживавших в самых разных уголках страны, от восточных её границ до Калининграда. Наряду с гремящими на всю Россию именами «Очарованный странник» открывал и никому неизвестных авторов.

Борис Черных бесценно оставался главным редактором литературной газеты русской провинции «Очарованный странник» всё время её существования с 1992 по 1996 годы.

При Борисе Ивановиче было создано Ярославское региональное отделение Союза российских писателей.

Под эгидой «Очарованного странника» в Ярославле в январе 1996 года в пансионате «Ярославль» прошло Всероссийское совещание молодых писателей, на котором по рукописям было принято в Союз писателей сразу 65 новых членов – писателей и поэтов. Принятые в Союз российских писателей по результатам этого форума талантливые литераторы Ярославской области и составили основу регионального отделения СРП.

Семинарами на совещании руководили такие корифеи современной российской литературы как Владимир Маканин, Игорь Золотусский, Юрий Ким, Евгений Попов, Александр Кушнер и другие.

Говоря о ценности «Очарованного странника», нельзя обойти вниманием ещё один примечательный факт: во времена, когда российская профессиональная литература, разделившись на два творческих Союза, а по сути на два непримиримых идеологических лагеря, вела открытую духовную гражданскую войну, на страницах «Очарованного странника» мирно уживались авторы обоих Союзов, что свидетельствовало о том, что издание постоянно несло в себе идею объединяющего начала. Оно, по сути, стояло над мирской суетой, над схваткой происходящего, обращая свой взор к проблемам вечным.

Именно 1990-е годы, когда писатель жил и трудился в Ярославле, оказалась для него самыми плодотворным в плане литературной и общественной деятельности. Созданные в это время произведения составили основу вышедшего в 2007 году его двухтомника «Избранное». Здесь – рассказы и повести, стихотворения и драматургия, а в качестве документов приводятся фотографии и даже страницы его уголовного дела.

Летом 1993 года при поддержке Москвы и амурских властей была проведена экспедиция по Амуру. В походе участвовали сотрудники Института истории Российской академии наук, Государственного исторического музея, журнала «Родина», «Амурской газеты», ГТРК «Амур», руководил экспедицией Борис Иванович Черных. Целью её было изуче-

ние хозяйственных, социально-бытовых, культурных и национальных реалий на русском берегу Амура. Экспедиция прошла от Шилки до границы с Еврейской автономной областью. В течение 45 дней сделано двадцать стоянок у всех крупных поселений, некогда казачьих станиц. Отчёт был опубликован в журнале «Посев». Путевые записки напечатаны в литературной газете русской провинции «Очарованный странник» и «Амурской газете». Прошли информационные материалы в журнале «Родина», в газетах «Известия» и «Российская газета».

В 1996 году Борис Черных вместе с семьёй, женой Майей Петровной и сыном Митей, вернулся на землю своих предков. «Как на порожиистой реке, несло меня тридцать лет по камням и ухабам... Куда преклонить голову? Преклонить – к отеческому порогу... Одержим мыслью – чувством восстановления корней, семейных преданий, семейной родословной. Негде почерпнуть силы, кроме как у отцов, дедов, прадедов».

Борис Иванович работал советником губернатора Амурской области по вопросам культуры, стал инициатором и организатором Дней духовной поэзии в городе Свободном, которые собирали творческих людей со всего Приамурья, проводил Дни Солженицына, принимал активное участие в педагогической деятельности и, конечно, писал. Б.И. Черных создал историко-культурную газету Дальнего Востока «Русский берег» и педагогический альманах «Чистая лампада». У писателя был редкий дар постоянно гореть идеями, что-то преобразжать, везде принимать участие.

В начале 1998 этого года в Благовещенске по инициативе Б. Черных вышел первый номер общественно-политической и историко-культурной газеты «Русский берег». Название нового периодического издания навеяно чрезвычайно актуальным того времени высказыванием генерал-губернатора Восточной Сибири Н. Н. Муравьева-Амурского о будущем России в северо-восточной Азии: «Сибирью владеет тот, у кого в руках левый берег и устье Амура». Газета была напечатана на 16 больших страницах и содержала богатую пищу для размышления. Обращают на себя внимание интервью и выступления губернаторов Дальнего Востока по поводу современной ситуации на Сахалине, Камчатке, в Амурской области и Приморском крае. Солидное место занимают в «Русском берегу» материалы о прошлом дальневосточного региона и его культурной жизни, о контактах с Китаем, Японией и другими сопредельными странами. Весьма представительным является литературный раздел газеты. Красной нитью через всю газету проходит идея необходимости преодоления центробежных тенденций и консолидации сибирских и дальневосточных краев, областей и национальных образований в отстаивании их социально-экономических и культурных интересов. К сожалению, газета «Русский берег» просуществовала недолго – с 1998 по 2010 годы, выхо-

дила нерегулярно. Эта газета была уникальным проектом Бориса Ивановича. Она стала крупным культурно-историческим и литературным фактом жизни области. Она могла стать авторитетным центром духовного единения дальневосточников и сибиряков в деле национального возрождения России, но не смогла преодолеть финансовые трудности.

На первых педагогических чтениях их участниками принято предложение писателя Бориса Ивановича Черных об учреждении педагогического альманаха «Чистая лампада», редактором единогласно утверждён Черных. При жизни Бориса Ивановича вышло два выпуска «Чистой лампады».

В 2000 году Борис Иванович Черных вместе со своим другом писателем-правозащитником Геннадием Хороших и бывшим «вампиловцем» Андреем Грохольским посетил 101 камеру Иркутской тюрьмы, в которой почти год ожидал приговор суда. Вот как об этом вспоминает А. Грохольский: «По возвращении в Иркутск Борис Иванович взял разрешение посетить тюрьму и сфотографироваться в ней. Придя за разрешением в «серый дом», он неожиданно встретил сокамерника, а через несколько минут – человека из КГБ. Тут же вскоре встретился судья, выносивший приговор. Всё – в небольшом промежутке времени».

В мае 2004 года Борис Иванович, в качестве делегата от Амурской области, присутствовал на съезде Союза российских писателей, проходившем в Смоленске.

Борис Черных оставил большое литературное наследие. «Несмотря на то, что все мои произведения достаточно равные, я мог бы выделить рассказы «Мазурка», это о матери, «Плач перепёлки», «Гибель Титаника», «Маленький портной». Мои произведения читали такие великаны, как Солженицын, Астафьев, Искандер», – оценивал своё творчество сам Борис Иванович.

Он был талантливым писателем с трудным характером, сам признавался не раз, что его беспокойная натура мешает жить всем вокруг, в том числе ему самому. Писатель не раз признавался: «Если бы меня спросили: Борис, что ты хочешь? Я бы ответил: хочу, чтобы Вампиловых не трогали. Особенно когда они нарождаются, нарастают. Они нужны русской культуре, сохраните их!».

К 70-летию Бориса Ивановича московское издательство «Европа» напечатало «Избранное» его творчества в двух томах. Несмотря на то, что автор «Избранного» прошел через тяжелые жизненные испытания, в его творчестве сохранились удивительные свет и тепло, его герои живут с общечеловеческими идеалами любви, справедливости, доброты, веры в высшее предназначение человека. Это нравственное и творческое кредо писателя читатель найдет в опубликованном в «Избранном»

его дневнике от 11 декабря 1961 г.: «Но ведь надо уметь писать и о крупицах хорошего, о крупицах непотерянного добра, и греть землю собственным теплом. Посему ныть бы кончить».

Первый том называется «Есауловый сад». Этот сад Борис Иванович выдумал, как и город Урийск, где происходят события его рассказов. В произведениях легко узнаются город Свободный Амурской области и его старый городской парк. С нежностью и любовью Черных писал о городе своего детства и молодости, о родной 9-й школе, об одноклассниках и учителях.

В конце тома приложены фотографии из фотоархива писателя, на которых запечатлены его встречи с выдающимися людьми современности: Александром Вампиловым, Фазилом Искандером, Александром Солженицыным. Также на фотографиях представлена семья Бориса Ивановича и те места, в которых разворачивается действие многих его произведений: Есаулов сад и станица Албазинская.

Второй том получил название «Старые колодцы». «Старые колодцы» – достоверное историческое исследование доколхозной и колхозной деревни на примере колхоза имени Кирова Иркутской области, его дневники, публицистика, документы мятежной комсомольской юности, материалы следственного дела Б. И. Черных 1982 г. Поэтому в «Избранном» найдут пищу для размышления как поклонники литературы, так и историки, педагоги, журналисты.

В двухтомник вошли лучшие произведения разных лет: рассказы для детей и взрослых, стихотворения, драматические произведения, очерки, документальные материалы, страницы из дневника. Как признался Борис Иванович, он работал над сборником быстро и увлеченно, пока лежал в больнице. На составление ушло всего 4 месяца. Но в «Избранное» вошла вся жизнь писателя. В нём Борис Иванович слагает своим героям дивный венок благодарности за уроки свободы и радости посреди безумия падающих обществ и опять, как великие его учителя и предшественники по русской литературе напоминает, что свет растет из страдания. И это лучшее сопротивление всем карательным устремлениям исторической неправды, спокойное противостояние всем политзонам и злым трубам хамской власти «подавляющего большинства».

Рассказывая о своём творчестве, Борис Иванович старался быть предельно откровенным и понятным: «Я сам пленник собственной судьбины. Так сложилось. Год за годом, десятилетие за десятилетием наслаивались испытания. Я привык быть гонимым и даже тихо полюбил это всегданнее состояние. Незаметным образом оно наложило отпечаток на ум и сердце. Не сделало их злобными, но нельзя же с незаживающей раной жить и здравствовать».

Делился секретами своего писательского мастерства: «В замкнутой домашнего кабинета я вынашиваю характеры и язык персонажей долгими годами. Они становятся моими братьями и сёстрами. И это самое доброе следствие отверженности: не даёте жить на миру, ладно, я буду жить в келье, и да процветёт Божья благодать надо мною. Поэтому я обращаюсь к будущему историку, критику, литературоведу. Не погнущайтесь вслушаться в авторскую речь. Но это одно. Вслушайтесь в речи персонажей. Герои мои – Маленький портной, Полячка, Титаник, Отец Маленького портного, Фёдор Посконин (у него «Грачи улетели»), мазурка – они явились автору по наитию».

Борис Иванович Черных скончался в ночь с 4 на 5 апреля 2012 года в городе Благовещенск. У писателя, последнее время тяжело болевшего, но не прекращающего общественную и литературную деятельность, остановилось сердце. Перед смертью он написал друзьям и близким прощальные письма.

Борис Иванович завещал похоронить его в Свободном, «в Дубках» – так он называл свободненского городское кладбище, где покоятся его родители. Отпевание и панихида также прошли в родном городе писателя, в Свято-Никольском храме, который Черных посещал, приезжая в Свободный.

Борису Ивановичу Черных 13 июля 2012 года исполнилось бы 75 лет. До своего юбилея он не дождал трех месяцев. Но к своей круглой дате он мог бы получить замечательный подарок – третий выпуск педагогического альманаха «Чистая лампада» тиражом в тысячу экземпляров. Писатель был главным редактором, организатором и вдохновителем этого издания.

Третий выпуск «Чистой лампады» посвящен 200-летию Пушкинского лица. «Жить на краю Отечества и праздновать 200-летие Пушкинского лица, – не есть ли это безрассудство или бездумие?» – начал свое предисловие к альманаху Борис Черных. Оказалось – нет, на призыв писателя прислать свои размышления на пушкинскую тему было прислано более 150 работ со всех уголков Амурской области.

«Дети пересматривают свою жизнь, когда пишут о Пушкине. Борис Иванович на это и надеялся, – говорит вдова писателя Майя Петровна Черных. – Он сам отредактировал все тексты, причем это была двойная и даже тройная редакция. Для него все это было очень важно. Он лично, с домашнего телефона, обзванивал школы, чтобы они приняли участие в этом конкурсе. И очень радовался, когда начали приходить первые работы. Интересно, что первыми откликнулись дальние поселки – Береговой Зейского района. А в Шимановском районе свои работы о Пушкине написали сами учителя».

Писатель успел получить и подержать в руках первые экземпляры

альманаха. Теперь отпечатан весь тираж. Книга вышла при поддержке министерства образования и науки Амурской области, финансовую поддержку оказал и фонд «Петропавловск».

5 мая 2012 года в Ярославле в юношеской библиотеке имени Н. А. Некрасова совместно с региональным отделением Союза российских писателей прошёл вечер памяти Бориса Ивановича. Как мы уже отмечали, часть его жизни была связана с древним городом на волге, Ярославлем который он полюбил и в развитие которого внёс свою лепту. В библиотеку на вечер пришли читатели и те, кому посчастливилось встретиться с этим талантливым человеком.

Участники встречи смогли познакомиться с выставкой литературы, на которой были представлены книги и журнальные публикации писателя, первые выпуски газеты «Очарованный странник». Сотрудник библиотеки Людмила Мельникова представила на вечере слайд-презентацию о Борисе Черных, рассказала участникам встречи о жизни этого мятежного странника, полной испытаний, лишений, трагизма, полёта творчества. Было прочитано стихотворение Наталии Черных (Смирновой) о молодых годах писателя, в котором есть строки:

*От юности неистовой пьянея,
Мы жили своевольно и строптиво:
Любили небо, звёзды и деревья,
Любили книги – презирали чтиво
И понемногу пробовали перья.
Дышалось вольным воздухом отрадно...*

Участникам встречи выпала замечательная возможность посмотреть два фильма, посвящённых Борису Черных, которые представил ярославский поэт и тележурналист Владимир Поваров. Первый выпустила в 1991 году студия литературно-художественных программ телеканала «Останкино», а второй был снят в 1997 году для ГТРК «Ярославия» самим Владимиром Поваровым. Группа первого фильма проводила съёмки в Москве, Иркутске, свободном, в Приамурье, в лагерях, где Черных был в заключении, в Сибири. В том и другом фильмах авторам удалось показать мудрого, талантливого, болеющего сердцем за судьбу России писателя.

Борис Иванович Черных был автором двух больших телевизионных документальных фильмов о Павле Флоренском и Валерии Приёмыхове. Оба фильма получили премии на Всероссийском и международном телефестивале. Он также хотел снять фильм об амурском предпринимателе XIX века Иване Чурине, но не успел осуществить задуманное.

За литературную, культурную деятельность Борис Черных награждён Почётным знаком министерства культуры России, премиями жур-

налистов за лучшую прозу и публицистику, а также другими наградами.

Борису Ивановичу были присущи природная впечатлительность, жизненный опыт и яркий писательский талант. Последняя публикация Бориса Черных – «Отче наш. Реквием» – состоялась на страницах литературно-художественного журнала «Москва» (2011, № 12).

Борис Иванович Черных прожил долгую, полную драматических страниц, жизнь, в которой он всегда был на передовой. Рано потеряв отца, вкусив сиротство и голодное детство, Борис Иванович сделал свою жизнь яркой и динамичной. Он был талантливым писателем с трудным характером, сам признавался не раз, что его беспокойная натура мешает жить всем вокруг, в том числе ему самому. Черных не отступал под ударами судьбы, он продолжал делать свое высокое гражданское дело – всей своей жизнью и творчеством служить правде. Борис Иванович всю свою жизнь пытался убедить людей в том, что при общем старании всё вокруг можно изменить в лучшую сторону. Он искренне верил, что современную Россию можно вытащить из пропасти, если всем миром, всей Россией найти общее, единственно верное решение. Черных всем своим творчеством призывает русских людей не забывать свои корни, именно они дают русскому человеку душевную и физическую силу.

ОБЩЕСТВЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ Б. И. ЧЕРНЫХ

Трагична судьба людей, чья молодость и часть зрелости укладывается в десятилетие так называемой «хрущевской оттепели». Успев ощутить воздух свободы, эти люди не успели реализовать себя. Одни растворились в атмосфере фальши и неискренности, другие, предчувствуя пору «холодной осени», ушли из жизни. А третьи, кому посчастливилось выжить, прошли политическое заключение.

В 1980-х годах тоталитарный режим расправился с последними романтиками. Одна из таких историй – история разгрома Вампиловского книжного товарищества.

Судьба вольного студенческого общества «Вампиловского книжного товарищества» – это, прежде всего, судьба Бориса Ивановича Черных.

К Борису Черных в Ботанический сад пришли его бывшие ученики. Молодые люди, которым не хватало общения, разговоров на творческие темы. Возникла идея собираться вместе – для «общения и самообразования». Официальное открытие товарищества произошло 7 ноября 1980 года.

Баяр Жигмытов вспоминает: «С Борисом Ивановичем Черных я по-

знакомился в 1974 году. Я тогда учился (с 1970 по 1975 год) в Иркутском политехническом институте. Ему понравились мои стихи, и он помог их опубликовать в областной газете «Советская молодежь». С тех пор между нами завязались теплые, дружественные отношения. Я регулярно встречался с Борисом Ивановичем. Нас объединяли беседы о литературе. Я показывал ему стихи и выслушивал его мнение. В конце 70-х годов я узнал, что в Иркутске возникло «Вампиловское книжное товарищество». Инициатором его был Б. Черных. Это было неформальное литературное общество. Нельзя сказать, что товарищество было как-то настроено против Советской власти. Это были теплые, запоминающиеся встречи, на которых присутствовала в основном молодежь. Собирались у Бориса Ивановича дома, выезжали за город, на Байкал, как обычная дружественная компания. Было приятно общаться с людьми, близкими тебе по духу, и свободно выражать свои мысли. Мы говорили о современных веяниях в искусстве, литературе. Затрагивали нравственные темы. Это время было для меня одним из самых счастливых в жизни. Я был молод и полон надежд. Товарищество являлось для нас отдушиной, и странно, что впоследствии в этом обществе начали находить противозаконное, антигосударственное. 70–80-е годы были интересны в том плане, что мы были молоды. Я не думаю, что историю с «Вампиловским книжным товариществом» следует раздувать и делать из нее нечто большее, чем она была на самом деле. Однако исследовать нужно. Ведь 70–80-е годы являются переломными в истории нашей страны».

В конце 70-х годов в среде студенческой молодежи все больше росла потребность в обсуждении, дискуссиях по поводу запрещенных властью изданий, книг, да и самого политического устройства страны. Наверное, прежде всего, поэтому в Иркутском университете сложилось некое Вольное студенческое общество «Вампиловское книжное товарищество». В него вошли в основном студенты гуманитарных факультетов ИГУ: филологи, журналисты, юристы, историки. Борис Черных имел огромный по тем временам багаж знаний, мог доставать из-за границы запрещенные книги, охотно передавал и книги, и свои знания студентам. Основной костяк товарищества составляли примерно 20 человек. На собрания же приходило множество друзей, знакомых, тех, кто интересовался литературой. Здесь студенты знакомились с запрещенными произведениями, обсуждали политическое устройство, рассматривали возможности изменения общества, способы влияния на кругозор людей.

Один из членов «Вампиловского книжного товарищества» Андрей Грохольский в статье «Мои свидетельские показания, или Тридцать лет

спустя (о Вампиловском книжном товариществе) пишет: «Вольное студенческое общество «Вампиловское книжное товарищество» было антисовестской организацией. И не зря главным фигурантам процесса было предъявлено обвинение в антисоветской деятельности и пропаганде, и осуждены они были по соответствующей статье 70 УК РСФСР. Как бы дико сейчас это ни звучало, но если судить по меркам того времени, то оснований для репрессий было сколько угодно».

Действительно, властям было в чём обвинить «вампиловцев».

Во-первых, сообщество, которое объединило в основном студентов-гуманитариев Иркутского университета, нигде не было зарегистрировано и не имело отношения ни к каким официальным советским структурам – парткомам, профсоюзам, студсоюзам, комсомольской организации, а значит, никак не могло ими контролироваться. Что само по себе представляло, по мнению власти, совершенно возмутительный, из ряда вон выходящий факт.

Во-вторых, «Вампиловское книжное товарищество» имело своё издание, которое вполне могло называться печатным и даже «массовым», поскольку печаталось на машинке через копирку в нескольких экземплярах. Издание, как и само товарищество, нигде и никоим образом не было зарегистрировано и распространялось среди знакомых. По меркам советского государства это был уже настоящий криминал – «самиздат». Ещё большей крамолой и криминалом было чтение и распространение в студенческой среде «тамиздата» – книг и журналов, изданных на Западе.

Таких изданий в Вампиловском книжном товариществе было немного, и все они попадали к членам общества в основном через Бориса Ивановича, который получал их от своих знакомых в Москве и Ленинграде. Эти издания считались «подрывными». В то время существовал такой термин – «литература, подрывающая советский строй». В уже упомянутой статье 70 УК РСФСР она определялась как литература, содержащая «клеветнические измышления, порочащие советский государственный и общественный строй».

«Подрывными» считались следующие книги: «Записки незаговорщика» советского литературоведа Ефима Эткинда о поэте и переводчике Иосифе Бродском, «Окаянные дни» Ивана Бунина, «Чевенгур» Андрея Платонова, «Реквием» Анны Ахматовой, «Столп веры» отца Павла Флоренского, «Легенда о Великом инквизиторе» (издание 1906 года) Василия Розанова, «Уничтожение природы» Бориса Комарова, «При Валтасара» Фазиля Искандера, фотокопия «Архипелага ГУЛАГ» Александра Солженицына», рукопись Бориса Черных «Маленький портной».

В число изъятых во время обысков «подрывной литературы» попали

Евангелие от Матфея, Иоанна, Марка, Луки. А также экземпляры трёх номеров «Литературных тетрадей», изданных «Вампиловским книжным товариществом», и материалы к четвёртому номеру: первые стихотворения, попытки рецензий, прозаические дебюты, публицистические опыты и философские черновики Натальи Смирновой, Ирины Виноградской, Юлии Пушкиной, Игоря Арефьева, Сергея Шалимова, Валентины Гураевской, Александра Панова, Андрея Черных (сын Бориса Ивановича), Сергея Лукиных.

У современного молодого человека может возникнуть вполне резонный, и даже закономерный вопрос: чем могли быть опасны для советского строя студенты-гуманитарии со своими робкими литературными попытками? Да тем и были опасны, что благодаря «подрывной литературе» они «расширили сознание» и знали уже больше, чем положено было знать.

Борис Иванович проводил с «вампиловцами» настоящие поэтические семинары. Разговоры шли о том, как рождаются стихотворные строки и кто их «диктует» поэту. В сторожке Ботанического сада шёл поиск истины и равноправный обмен мнениями со старшим коллегой, общение, которого так не хватало студентам в стенах университета. Можно сказать, что образование, которое получали студенты гуманитарных факультетов того времени, было ущербным. Ущербность эта чувствовалась во всём, и, прежде всего, в том, как давалась литература, история, философия. Безусловно, в этом нельзя обвинять преподавателей. Они действовали в рамках учебной программы, и некоторые даже пытались каким-то образом заглянуть за эти рамки. Но только некоторые и только чуть-чуть, и ненадолго. Позволить себе диссидентствовать и вольнодумствовать среди преподавателей не мог никто – можно было потерять не только работу, но и свободу.

На судебном процессе против «Вампиловского книжного товарищества» выступил один вполне уважаемый студентами до этого случая преподаватель-лингвист. Разумеется, властям нужен был общественный обвинитель из авторитетных педагогов, серьёзный оппонент Борису Черных, человек, умеющий логически мыслить и хорошо говорить. Этот человек даже не знал лично Бориса Ивановича, против которого ему нужно было выступать. «Обвинитель» впервые увидел своего «обвиняемого» на суде. Преподаватель пытался выстраивать свои логические построения, опровергать суждения, высказывания и идеи Черных, его философию. «Поединок идей» замыслился как идеологический и философский разгром Бориса Черных. Один оппонент находился на скамье подсудимых, а другой доказывал его неправоту, прекрасно осознавая, что каждый аргумент приближает оппонента к реальному

сроку и подводит идеологическую базу под юридические требования прокурора.

Получилась весьма наглядная иллюстрация на тему: диссидент и конформист. Два действительно умных, действительно образованных и не по-советски начитанных гуманитария, только вот один – умный, но сломанный.

Почему студенческое товарищество стало называться Вампиловским, есть несколько объяснений. Во-первых, Александр Вампилов – знаменитый иркутский драматург, духовно близкий Борису Ивановичу и его подопечным. Во-вторых, Черных и Вампилов учились в одно время, дружили. Борис Иванович рассказывал студентам о своём друге, написал очерк о Вампилове «Чистая лампада». В очерке приведены любопытные факты из личной жизни Вампилова-студента, Вампилова-журналиста, Вампилова-писателя, о том, как секретарь иркутского обкома КПСС Антипин исполнял добровольные обязанности личного цензора молодого драматурга, а некоторые иркутские писатели ему усердно в этом помогали.

Несмотря на вполне безобидное название, «Вампиловское книжное товарищество» не было кружком библиофилов. Хотя одна из задач, которую «вампиловцы» ставили перед собой, была вполне библиографической – составление «Круга первопрочтения» – списка произведений, которые закладывают в человеке основы нравственности и духовности. «Круг первопрочтения», в котором первое место заняла Библия, формировался в результате продолжительных дискуссий и обсуждений. Из списка была исключена шолоховская «Поднятая целина», но единогласно оставлен «Тихий Дон». Вошли в «Круг первопрочтения» «Архипелаг ГУЛАГ» и «Один день Ивана Денисовича» Александра Солженицына, пьесы Александра Вампилова, повести Валентина Распутина «Живи и помни», «Прощание с матёрью», его рассказ «Уроки французского».

Литература для товарищества была прежде всего, но это была русская литература, а значит, в центре внимания оказывались глубинные вопросы поиска человеческой свободы и справедливости, отношения к власти, к Богу, к отечественной истории и современности. Последнее составляло самый жгучий интерес как для «вампиловцев», так и для органов безопасности. И если знакомство с работами Мережковского, который считался «нежелательным» автором, могли простить, то чтение и обсуждение Солженицына или Бродского, которые уже относились к «запрещённым» писателям, однозначно квалифицировались как уголовно наказуемое деяние. Тем более что эти книги передавались из рук в руки, а значит, «вампиловцами» совершалось самое настоящее преступление – «распространение антисоветской литературы».

Необходимо оговорить, что был всё-таки не 1937 год (год массовых репрессий), а 1982, власть избегала массовых репрессий, поэтому органы госбезопасности выбрали в «Вампиловском книжном товариществе» главную мишень – Бориса Ивановича Черных. Он был старше, опытнее всех, знаком с диссидентскими кругами в Москве и Питере, через него в студенческое сообщество в основном и попадали запрещённые книги. Черных давно попал под пристальное наблюдение КГБ. И его решили наказать без всякого снисхождения. Остальные «вампиловцы» были наказаны в «воспитательных целях».

«Вампиловское книжное товарищество» не было библиографическим кружком, но и не было в полном смысле политической организацией. « Вампиловцы» не ставили перед собой определённых политических целей. Самой «политической» можно назвать идею распределиться всем вместе после окончания университета в одну деревенскую школу или в один район и создать там некую «территорию свободного духа». « Вампиловцы» были одинаково юны, но не были политически однородны. У каждого были свои – нет, пока ещё не убеждения – предпочтения: монархистские, анархистские, социал-демократические, либеральные, национал-патриотические. Если проецировать всё это на современное общество, то получается вполне обычный политический спектр. Объединяла в членов студенческого сообщества, пожалуй, одно – неприятие партийно-бюрократической системы и идеологии, которая воцарилась в СССР.

Наверное, всех «вампиловцев» можно было бы назвать антикоммунистами, и, как это ни парадоксально, самым коммунистом в этом сообществе был старший товарищ – Борис Черных. Борис Иванович лучше и глубже всех из « Вампиловского книжного товарищества» был знаком с работами классиков марксизма-ленинизма, которые он всегда критически примерял к действительности. «Тюремные тетради», написанные в застенках Муссолини основателем коммунистической партии Италии Антонио Грамши, были одной из любимых его книг. Безусловно, это была другая коммунистическая идеология, другое мировоззрение, основанное на демократических принципах. Поэтому цитаты из Грамши звучали совершенно неприемлемо для КПСС. Например: «Следует обратить внимание на то, что там, где устанавливаются тоталитарные режимы, традиционная функция института верховной власти присваивается на деле определённой партией, которая является тоталитарной потому, что выполняет эту функцию».

Неоднородность «Вампиловского книжного товарищества» проявлялась по мере того, как студенты углублялись в «вечные вопросы» русской жизни. Показателен в этом плане семинар по творчеству Достоев-

ского. Он проходил, как и многие встречи «вампиловцев», в доме Александра Панова. Александр Панов – личность незаурядная и известная в студенческой среде уже тем, что смог в советское время, да ещё в городе заняться самым настоящим фермерством. Он жил с семьёй в большом доме в предместье Иркутска Глазково в офицерском переулке. В усадьбе был огромный по городским меркам участок земли – 26 соток – и свиноферма на десяток голов. Панов работал, выращивал и продавал свинину, покупал книги на «чёрном» рынке (а хорошие книги стоили дороже, чем мясо), учился заочно на факультете журналистики. У Панова было идеальное место для собраний товарищества – некое свободное пространство или пространство свободы: свой дом, большой сад, просторная библиотека.

В советской школе и в университете произведения Достоевского изучались самым парадоксальным образом. Читали и пытались обсуждать его романы, убеждаясь, в конце концов, что не могут говорить о главном, преподаватели умалчивали тему богоискательства, а студенты, сочувствуя героям, порой не понимали их – что за безвольное поведение, бесплодные размышления, бессмысленные мучения! Ради чего всё это? Воспитанные на героике Павки Корчагина, «литературе результата» и «соцреализме», студенты-гуманитарии пытались понять великого писателя-соотечественника. Но для этого необходимо прочитать «всего» Достоевского, а не только те произведения, которые предлагала школьная программа.

Поэтому в центре обсуждения семинара по творчеству Достоевского оказались не только «Преступление и наказание», «Идиот», но и «Братья Карамазовы», «Подросток», «Бесы». Конечно, размышления юных «вампиловцев» были очень незрелы, но, несомненно, для многих из них совместные разборы этих произведений стали отправной точкой в понимании Достоевского. Не бывает преступления без наказания, но наказание может стать преступлением, так зло порождает зло. И прервать эту череду может только тот, кто простил первым.

«Вампиловцы» издавали машинописный журнал «Литературные тетради». Успели создать три выпуска объёмом до пяти печатных листов, каждый из которых выходил в шести экземплярах.

Впоследствии Борис Иванович написал в память о Вампиловском книжном товариществе пьесу «Урийская дидактика». Черных очень гордился тем, что все его вампиловцы состоялись, а некоторые даже стали крупными людьми в культуре.

В мае 2001 года в амурской областной филармонии прошел творческий вечер Б. И. Черных.

Выслушать слово писателя, как он выразился, о русском в област-

ную филармонию, которая наряду с Амурским отделением Союза российских писателей выступила организатором этого вечера, собрались не только жители областного центра, любящие литературу и свою страну. Сюда приехали и представители Свободного, ставшего для Бориса Ивановича родным, – именно этому городу посвящены многие его произведения, именно там жили и живут герои его прозы.

В целом же речь на встрече шла о прошлой и нынешней судьбе России, о том, как и куда ведут пути-дороги наших современников. Причем оценка писателем политических и общественных событий, происходящих весной 2001 года (речь идет, прежде всего, о смене губернаторской власти и ее последствиях для Амурской области и ее жителей), является острой и неоднозначной, прогноз на будущее – не совсем утешительным. И это будит мысли и чувства читателей, чего явно добивается от них писатель.

Этому же способствовало и прослушивание поэтических и прозаических текстов Бориса Черных, прозвучавших на вечере в исполнении известных амурских артистов, певцов и музыкантов.

14 октября 2006 года в городе Свободном проходили Дни Русской Духовной поэзии, инициатором и организатором которых был Б. И. Черных.

Задуманное писателем действие трудно назвать обычным словом «мероприятие». Поэтический праздник начался с молитвы. Настоятель Свято-Никольского храма отец Валерий, поздравив собравшихся с Покровом Пресвятой Богородицы, предложил всем прочесть «Отче наш». Затем ведущий программу художник и писатель Павел Никиткин рассказал о том, как возникла идея праздника. Также он объяснил собравшимся, почему единственным местом для его проведения был назван Свободный, который как никакой другой город в области имеет богатую духовную историю. В трагические для страны годы через свободненские тюрьмы и лагеря прошли такие известные соотечественники, как Павел Флоренский и Анастасия Цветаева. Многие талантливые поэты, писатели, священнослужители окончили свой путь на этой земле. Среди них и наш земляк, талантливый литератор Валентин Крылов, похороненный в 2001 году на свободненском кладбище. Их память почтили минутой молчания.

Одним из ярких моментов открытия Дней Русской Духовной поэзии стало преподнесение Б. И. Черных Свято-Никольскому храму раритетного издания – подшивки ежемесячного народного журнала за 1909 год «Русский паломник». Его Борис Иванович в свое время привез из Ярославля как подарок от местной епархии. Но писатель решил, что такое уникальное издание не должно пылиться в личной библиотеке, место ему – в церковном архиве, для пользы прихожан. В журнале собраны

редкие сведения о Серафиме Саровском, Сергии Радонежском, Иоанне Кронштадском.

На сцену в этот день выходили многие творческие коллективы и люди: знаменитая на всю Амурскую область хоровая капелла, пианисты, музыканты и певцы, писатели, художники, учителя литературы, студенты БГПУ, школьники. Праздник вообще замышлялся более представительным и насыщенным, но многие его участники не смогли приехать по разным причинам.

Организаторы Дней Русской Духовной поэзии особо подчеркнули, что духовность нельзя понимать только как религиозность. Духовность – в самом общем смысле – совокупность проявлений духа в мире и человеке. В социологии, культурологии и публицистике «духовностью» часто называют объединяющие начала общества, выражаемые в виде моральных ценностей и традиций, сконцентрированные, как правило, в религиозных учениях и практиках, а также в художественных образах искусства. В рамках такого подхода, проекция духовности в индивидуальном сознании называется совестью, а также утверждается, что укрепление духовности осуществляется в процессе проповеди (увещания), просвещения, идейно-воспитательной или патриотической работы.

В современном западном религиоведении духовность в наиболее общих чертах характеризуют как «жизнь, проживаемую в полноте уникального опыта внутренних переживаний человека, в которых могут присутствовать традиционные западные культурные символы» и другие значимые для человека образы. Духовность отличается от религиозности тем, что источником последней является внешний мир в виде предписаний и традиций, тогда как источником духовности является внутренний опыт человека.

Именно к такой духовности стремился Б. И. Черных и увлекал за собой не только своих сподвижников, но и всех русских людей.

В завершении вечера были прочитаны стихи иеромонаха Романа, которые производят сильное впечатление и призывают задуматься о чистоте своей души:

*Без Бога нация – толпа,
Объединенная пороком,
Или слепа, или глуха,
Иль, что еще страшней, жестока.
И пусть на трон взойдет любой,
Глаголющий высоким слогом,
Толпа останется толпой,
Пока не обратится к Богу.*

15 октября гости и участники Дней Русской Духовной поэзии продолжили общение в свободненской городской библиотеке. Разговор, как и планировалось, шел о путях возрождения духовности в России. Борис Иванович рассказал, с какими трудностями пришлось столкнуться организаторам Дней Русской Духовной поэзии при подготовке праздника. Писатель в своей речи констатировал – экономия на культуре приводит к бездуховности нашего современного общества.

С именем Бориса Ивановича Черных связано создание проекта Сада искусств в Свободном. Вот как комментировал свой замысел писатель в интервью Елены Коротковой, журналиста газеты свободненского района «Зейские огни» 28 февраля 2007 года: «Из Свободного сделали столицу БАМлага, через Свободный прошли гениальные сыны нашей Родины. Я там вырос, и этапы у нас шли пол окнами. Мимо нас гнали этапы на вокзал. Так вот, Сад искусств – я его называю есаулов сад – расположен в центре города. И там мы создаём огромный культурный центр. И духовная столица Приамурья будет в Свободном, а не в Благовещенске. Там закладывается часовня в память Цесаревича Алексея, в честь которого был назван город (до революции он был Алексеевском), театр юного зрителя и художественная галерея, которой нет, к сожалению, в области, а также этнографический музей и большая библиотека, и редакция историко-культурной газеты «Русский берег». Мы создали общественное правление, в него вошли талантливые люди. Но пока всё уперлось в отсутствие финансов».

Как показало время, замечательная идея Бориса Ивановича осталась нереализованной как в силу финансовых причин, так в связи с его уходом из жизни.

10–11 декабря 2008 года на горькой земле БАМлага, в городе Свободном Амурской области, прошли Дни памяти великого русского писателя Александра Солженицына. Они нашли отклик в душах не только жителей Приамурья. В адрес Оргкомитета поступили телеграммы, письма, приветствия из Москвы, Ярославля, Пскова, Красноярска. Завершились Дни памяти открытием мемориальной доски на здании железнодорожного вокзала в городе Свободном. Мемориальную доску с надписью «Здесь 9 июля 1994 года, возвращаясь из эмиграции, великий русский писатель А.И. Солженицын встречался с жителями города» создал амурский скульптор Павел Никиткин.

По итогам Дней памяти Солженицына в 2009 году была выпущена брошюра «Дни памяти Александра Исаевича Солженицына. Свободный -Алексеевск. 10–11 декабря 2008 года» в благовещенском издательско-полиграфическом комплексе «Приамурье».

ПУБЛИЦИСТИКА Б.И. ЧЕРНЫХ: ГРАЖДАНСКИЙ ПОДВИГ ПИСАТЕЛЯ

*«А теперь давайте по порядку.
Мир плох? Страна плоха? Друзья плохи?
– Нет, я плох»
Б. Черных*

Публицистика Бориса Ивановича Черных отличается исследовательской глубиной и серьезностью мысли, связью с предшествующей традицией.

По заказу журнала «Огонек» Борис Иванович приступил к написанию документальных очерков – «Письма из провинции» («Озимы»). Первая публикация этих писем состоялась в июле 1992 года. К сожалению, сокращенный объем журнала не позволил опубликовать книгу целиком. Редакцией журнала были предложены вниманию читателей фрагменты нескольких писем: «Баллада о доме. Письмо первое», «Ботанический сад и его обитатели. Письмо второе», «Темные силы. Письмо третье», «Светлые силы. Письмо четвертое», «Письмо шестое, и последнее».

Последнее письмо – своеобразный итог предыдущим раздумьям, биографическим линиям, завершение исповеди. Ограниченность журнальной площади не позволила опубликовать все шесть писем целиком. Пятое, ненапечатанное письмо «Озимей», посвящено проблеме русского конформизма. «Но, сшибая ветеранов с ног, ринулись к трибунам самозванцы. Глядя в желчные их глаза, я спрашивал себя: эти ли дни мы звали?», – вопрошает Борис Черных в пятом письме.

Перед читателем проходит череда масок. Осведомитель КГБ, «заложивший» в 1966 году талантливого журналиста из Владивостока, редактора молодежной газеты Валентину Юдину. Профессор пединститута, отчислявший студентов за вольнодумство уже во время перестройки, доносивший на них «куда следует». Писатель-черносотенец, травивший таланты, ставший впоследствии народным депутатом. Но не только такие отрицательные персонажи становятся героями прозы Бориса Ивановича. Писатель исследует почву конформизма, его физиологию. И делает неутешительный вывод: «Внедрение приспособленцев во все структуры новой власти не только в провинции, но и в столице, центростремительно. Скоро они оседлают многоговорящих российских лидеров, спевшись для начала, – а жизнь не успеет поднять к кормилу подлинных вождей, опять мы окажемся в межеумочном положении».

Борис Иванович Черных занимался изучением жизни и творчества

Павла Александровича Флоренского. Борис Черных считает, что Флоренский был русским Леонардо да Винчи: «Какую область ни возьми, он везде был первоклассным специалистом. Занимался вечной мерзлотой, йодом, археологией, философией, теологией – написал лучший трактат в русской теологии «Столп веры», был прекрасным архивариусом».

Один из крупнейших отечественных мыслителей XX века священник Павел Флоренский сохранился в памяти потомков как человек необычайно многогранный, наделенный незаурядной созидательной энергией.

Священник Православной церкви, он был и выдающимся ученым-энциклопедистом и теологом, но совсем не похожим на классического кабинетного – сухого, индифферентного к повседневности, сугубо книжного. Он любил и понимал жизнь с ее простыми радостями и не легкими испытаниями.

Павел Александрович Флоренский, стремившийся жить чистым созерцанием, вне истории, занял по отношению к советской власти позицию отрешенной лояльности «во всём, что не затрагивало совесть», продолжая носить рясу на государственную службу. Будучи лояльным к советской власти, участвовал во множестве предприятий большевиков. Он соавтор нескольких инженерных проектов, в том числе и гуманитарных. Не снимая подрясника, Флоренский деятельно присутствовал на самых значительных собраниях, связанных напрямую с электрификацией и индустриализацией страны, с экологическими и природосохранными новациями. Сделанные им научные открытия, «имевшие народно-хозяйственное значение в государственном масштабе», не убергли его от кратковременной ссылки в 1928 году, а затем в феврале 1933 года – от окончательного ареста. В 1937 году П. А. Флоренский был расстрелян на Соловках.

На амурской земле Флоренский оказался не по своей воле, но его судьба тесно соприкоснулась с нашим краем. Путь ученого на Соловки пролегал через город Свободный. В пересыльной тюрьме города Свободного Флоренский ждал решения – позволят ли ему отбывать ссылку в Сковородино. Позволили, и Павел Александрович недолго работал научным сотрудником мерзлотной станции, к нему приезжала жена с детьми. Так что есть и заслуга ученого и религиозного деятеля в том, что здесь, на вечной мерзлоте, взошли города и железные дороги. В Тындинском музее хранится рукопись Павла Флоренского. В апреле 1999 года в Тынде проходили чтения Флоренского.

25 июля 2001 года город Свободный посетили академик, профессор МГУ Павел Васильевич Флоренский – внук П. А. Флоренского и заме-

стителю декана факультета искусствоведения Т.А. Шутова. По словам Павла Васильевича, главный смысл его пребывания на амурской земле заключается в том, чтобы обратить внимание амурчан на их предков. Преемственность поколений не должна прерываться. Сам он стал заниматься делами деда, изучением его архивов в 1996 году. И сейчас, как он образно выразился, находится в путешествии в 1933 год. Постепенно восполняются белые пятна в истории из жизни знаменитого предка. В архиве П. В. Флоренского находятся письма сокамерников деда, в том числе «стукача», который писал на всех доносы. Путешествие по этапу деда он принял впервые, хотя на Соловках бывает достаточно регулярно. Просто в какой-то момент у него возникло желание соприкоснуться с тем, что видел и ощущал дед, находясь в наших краях. По мнению Павла Васильевича, необходимо культивировать в себе интерес к предкам.

«Из всех, когда-либо прошедших по земле Приамурья с середины XIX столетия, самой загадочной личностью является, несомненно, Павел Флоренский», – так начинается свою статью Б. И. Черных о П. А. Флоренском – «Флоренский – государственный». В четвёртом выпуске историко-культурной газеты «Русский берег» целый разворот отдан трактату Флоренского «Проект будущего государственного устройства» (России). Указанная статья Бориса Ивановича представляет собой подробный и ценный анализ данного трактата.

В те далекие нелегкие времена многие крупнейшие мыслители, составляющие цвет отечественной интеллигенции, несогласные с большевистским переворотом, покинули Россию. Флоренский, не раздумывая, остался на родине. Ученый верил в Россию и ясно понимал избранныческий путь своей многострадальной отчизны. «Искупительную жертву гиганта Флоренского» Черных видит в том, что Флоренский неразрывно связан с Россией: «Мне кажется, что если бы силой, взяв под руки, вывели Флоренского из России, он перешёл бы границу и вернулся обратно на родину. Настолько кровно, неразрывно он был связан с ней».

В статье Б. И. Черных представлен образ неутомимого труженика и мыслителя П. А. Флоренского. Попав в одиночную камеру на Лубянке, Флоренский попросил бумагу и карандаш, он не мог представить себе ни одного дня без работы. И это несмотря на то, что учёный ещё не знал, сошлют его по этапу на Дальний Восток или отпустят на свободу. Борис Иванович высоко оценил человеческий подвиг Флоренского: «... всё существо, сердце и мозг ученого заняты главной, генеральной думой: устоит ли Отечество на бешенных ветрах эпохи?». Несмотря на неопределённость дальнейшей жизни, находясь под арестом, Флорен-

ский превыше всего ставил свой долг служения народу и России, а не заикливался на своих проблемах.

Следователи выдали Павлу Флоренскому то, что он просил. Они надеялись, что в своих признаниях подследственный проговорится и даст им компрометирующий материал на сподвижников. Им хотелось думать, что последуют признания в контрреволюционной деятельности. Но они фатально ошиблись. Находясь в застенках Лубянки, получив возможность записывать свои мысли и идеи, Флоренский создает трактат «Проект будущего государственного устройства» (России). В архивах Лубянки не пропал ни один документ, был сохранён и труд Флоренского. В 1990 году трактат вернули потомкам. Игумен Андроник, внук Павла Флоренского, передал этот документ гласности в 1991 году.

В предлагаемой статье Борис Черных обильно и удачно цитирует «Проект будущего государственного устройства» (России), дает подробную характеристику этого бесценного и востребованного документа. Флоренский видел спасение и возрождение России в православии. С этой мыслью ученого полностью согласен Черных: «возможно, если народ духовно опомнится и поднимется с колен, с помощью православной церкви». В Лубянском застенке Павел Флоренский пишет: «Обсуждаемый строй ни в коей мере не мыслится как реставрация строя дореволюционного. Белые, зелёные и прочих цветов генералы, стремятся выполнить эту неразрешимую задачу, обнаруживали непонимание хода мировой истории вообще и русской в частности. Нет никакого сомнения, что если бы тот или другой из генералов, при оплошности и слабости большевиков, дошёл бы до Москвы, и если бы даже большевики вообще при этом исчезли, то всё равно по прошествии самого короткого времени в стране вспыхнула бы новая революция и анархия».

Флоренский выступал за принципиальный запрет каких бы то ни было партий и организаций политического характера: «Оппозиционные партии тормозят (деятельность) государства, партии же, изъявляющие особо нарочитую преданность, не только излишни, но и разлагают государственный строй, подменяя собой целое государство, суживая его в размерах, и в конечном счёте становятся янычарами, играющими (верховой) государственной властью. <...>. Организации не политические, а бытовые, религиозные, научные, культурно-просветительские разрешаются и даже в известной степени поощряются».

Прочитав главу из трактата Флоренского под названием «Внутренняя политика (политическое управление), Черных делает меткий вывод: «все приведённые строки кажутся написанными сегодня, настолько они злободневны».

Из статьи Бориса Черных мы узнаём, что Флоренский не просто

предвидит, а видит неизбежность войны России с Германией. Флоренский в главе «Народное здравие» пишет: «Красная армия представляет ценность, утроить которую – значило бы утроить все прочие ценности страны».

Но священник Флоренский не был бы священником, если бы не считал одной из опор государства и общественного благополучия, православную семью. В актуальной для нашего времени главке «Народное здравие» Флоренский говорит о генетическом запасе прочности нации, находя его в сохранении культивировании нравственных ориентиров. Ученый пишет: «Прежде всего, требуется оздоровить семью. Вопреки многим взглядам, составляющим задний фон многих высказываний современности, общество слагается не из индивидов-атомов, а из семей-молекул. Единица общества есть семья, а не индивид, и здоровое общество предполагает здоровую семью. Распадающаяся семья заражает и общество. Государство должно обязательно (создать) наиболее благоприятные условия для прочности семьи, для (прочности) должна быть развита система мер, поощряющих крепкую семейственность. В качестве требуемых мер может быть проведён налог на холостяков в соответствующий фонд каких-либо поощрительных мероприятий. Затем как мера физического оздоровления (семьи), входящая в более общую меру охраны здоровья, должны быть организованы при каждой местности больницы архивы с родовыми и индивидуальными записями на карточках, систематическое пополнение записей о здоровье членов рода и о генеалогических связях между родами даст богатый материал для медицинских советов относительно желательности того или иного брака. Современная евгеника ещё слишком молода и неопытна, чтобы запреты в отношении браков можно было считать категорическими, но предупреждение и совет в некоторых случаях вполне уместны. Во всяком случае каждый имеет право знать, какие опасности подстерегают его».

Таким образом, делает вывод Черных, «весь трактат оказался вневременным, то есть записанным на все времена». И с этим утверждением невозможно не согласиться. Борис Иванович с нескрываемой горечью говорит нам, своим современникам: «Не следует ждать глубоких перемен в нравственной атмосфере, ибо народ и интеллигенция пали беспредельно. Понятия чести, нестяжания, осознания греха и внутреннего его осуждения – всё это ныне кажется анахронизмом».

Завершая статью, автор призывает читателей «произвести суровую переоценку ценностей и вернуться к моральным заповедям прадедов, хотя чудовищное государство пограло почти все естественные понятия морали. Но предание всё равно сохраняется, как сказка, да, но сохраняется».

Несмотря на неутешительные мысли, статью Борис Черных заканчи-

вается словами благодарности и признательности в адрес Флоренского, вся жизнь которого, деятельность и трагическая судьба были направлены на служение народу. Флоренский сумел сохранить в себе человека и ученого, находясь в невыносимо сложных жизненных условиях. А это по мысли Б. И. Черных, есть показатель истинной личности – доброй, подвижнической, самоотверженной: «Отец Павел сумел сохранить в невероятных испытаниях и в течение многих лет страшных тягот в перевозданной чистоте лучшие помыслы и порывы. В письмах жене и детям он остался строгим воителем за добро. Слава ему. И бесконечная благодарность – из того города, где он пробыл недолго, но след его не забыт нами».

Борис Иванович снял фильм о Павле Флоренском, который выставил на конкурс православных программ «Слово Плоть Бысть». Фильм получил премию, но его нигде не показывали.

Черных разрабатывал тему коллективизации. О том, как проходила коллективизация, в нашей литературе по сей день существует две версии. Одна официальная, озвученная самими большевиками. Она утверждает, что это был триумф сталинской аграрной политики. Мол, крестьяне с энтузиазмом откликнулись на призыв партии и с искренним желанием стали вступать в колхозы и совхозы.

Эту версию поддержал такой выдающийся писатель, лауреат Нобелевской премии в области литературы, автор романа «Тихий Дон» Михаил Александрович Шолохов, – кстати, единственный из советских писателей. По роману «Поднятая целина» выходило, что коллективизация в Советском Союзе проводилась даже лучше, чем утверждала официальная пропаганда. Официально сообщалось, что в 1929 году в стране было коллективизировано чуть меньше 100 процентов крестьянских хозяйств. А у Шолохова в Гремячем Логе все 217 дворов вступили в колхоз за два месяца.

В старом статистическом справочнике о социально-экономическом положении СССР в 1935 году приводятся цифры, которые говорят о том, что за всё время коллективизации, включая 1935 год, коллективизировано было лишь 61,5 процента крестьянских хозяйств, а остальные по-прежнему оставались единоличными.

Этот справочник, как и вообще все цифры ЦСУ за первую пятилетку, были засекречены. Жесточайшая цензура, неусыпная охрана ОГПУ-НКВД, прямой контроль партийных органов за работой писателей, журналистов, историков не позволяли иным точкам зрения на происходившие тогда события пробиваться в печать, литературу, кино и пр.

Решительно пресекалась и утечка из деревень устной информации. В книге «Архипелаг ГУЛАГ» А. И. Солженицын вспоминает, что в одном

из лагерей он встретил заключённого, которому дали большой срок лишь за то, что тот принародно спросил у первого секретаря райкома партии, почему в их колхозе семь лет ничего не платят за работу. Такая реакция властей на малейшее проявление народного недовольства надолго заставила крестьян держать язык за зубами.

С таким «молчанием» довелось столкнуться и первому губернатору Амурской области (1191–1993), члену Союза российских писателей, Альберту Кривченко, когда он в 70-е годы собирал материал для книги о сельском хозяйстве. Тогда Кривченко не мог понять причину такого явления и лишь потом, встретившись с Черных, разобрался, что к чему.

В 70-е годы Борис Иванович Черных решил написать книгу о коллективизации – документальную, публицистическую – не о вымышленных героях, как у Шолохова, а о реальных людях, с подлинными именами, адресами, ни на йоту не изменяя и не подправляя факты. Поэтому жанр своего повествования «Старые колодцы. Историческое исследование по истории колхозного строительства» писатель определил соответственно – «Хроники». Главным «рассказчиком» стал сам председатель колхоза, а второстепенными – все остальные крестьяне. Словом, в 70-е годы Черных стал интересоваться темой, которую в те времена никто из писателей не разрабатывал.

Несколько лет подряд за писателем велась каждодневная слежка работниками КГБ. Однако им удалось раздобыть только показания нескольких свидетелей, которые утверждали, что Черных неоднократно в кругу писателей, учителей, молодежи осуждал колхозно-совхозный строй. Вот как сам писатель прокомментировал своё историко-документальное исследование: «“Старые колодцы” – так называется моя документальная повесть о тулунской деревне. Я прятал эту повесть по подвалам и чердакам много лет, до 1987 года. В ней смута гражданской войны, хроника убийственно-го колхозного строительства в Сибири, голод начала 30-х, репрессии, потом Отечественная война».

Благодаря горбачёвской перестройке, накануне распада Советского Союза, Борис Иванович смог найти независимых издателей и напечатать свои произведения. Когда сегодня их начинаешь читать, становится понятно, почему КПСС-НКВД-КГБ так боялись правды о коллективизации.

В восьмом номере журнала «Новый мир» за 1988 год впервые были опубликованы главы из рукописи «Из истории одного колхоза» – «Пахари и ” мудрецы“». Впоследствии, в двухтомнике «Избранное». Это произведение выйдет под названием «Старые колодцы. Историческое исследование по истории колхозного строительства».

В середине 70-х годов Черных взялся за трудную, непривычную по тем временам, но, как видится теперь, очень нужную работу. Подолгу

живя в деревнях, входивших в разное время в колхоз имени Кирова, он записывал рассказы старожилов, которые помнили и годы зарождения колхозов, и период нэпа, и гражданскую войну, хранили предания и о первых поселенцах, отовсюду стекавшихся на эти земли в начале века после столыпинских реформ, – крестьянах Средней России, Украины, Белоруссии, Прибалтики. Работа в архивах, изучение документов, газет дополнили картину важными подробностями. Так родилась книга, главы из которой и напечатал «Новый мир».

Сам крестьянский сын и внук, Борис Черных не просто фиксировал факты, но размышлял над мужицкой судьбой, судьбой народа, пытаясь на примерах отдельных деревень и даже семейств осмыслить путь, пройденный страной. Вот почему помногу раз возвращается автор в своём повествовании к одним и тем же героям, не забывая их родственников и соседей, не обходя их нынешнего бытования. Вот почему тёплое чувство привязывает его к деревням, названия которых встречаются в тексте не однажды: Евгеньевка, Заусаево, Никитаево, Афанасьево...

Альберт Кривченко размышляя о проблеме коллективизации в очерке «Гражданский подвиг писателя», посвящённом памяти Б.И. Черных, пишет: «...на самом деле в деревне тех лет не наблюдалось никакого «могущественного порыва», якобы увлекшего крестьян в колхозы, а, наоборот, имели место массовое сопротивление «околхозиванию» сельского населения, поголовное нежелание мужиков отдавать неизвестно кому и зачем, всё, что у них было. Советская власть добивалась желаемого исключительно с помощью насилия, перед изощренностью которого меркло всё, что творилось на Руси во все времена её истории».

«Старые колодцы. Историческое исследование по истории колхозного строительства» Б. И. Черных – достоверное историческое исследование доколхозной и колхозной деревни на примере колхоза имени Кирова Иркутской области.

Одна из героинь хроники вспоминает: «В 1929 году угнали отца на лесозаготовки, он застудил там печень и умер, мать осталась с четырьмя детьми, – рассказала писателю жительница приангарского села Евгеньевка Ефросинья Шолохова. – Два старших брата, Борис и Ефим, говорят: “Управимся, мама, без колхозу. Мы большие”. А на нас раз – и план наложили. Мы всё, что смогли, сдали. И вот слух: “Красная метла по дворам пойдёт”. Братья спрятали два последних мешка ржи, но на печке сохло полкуля. Думаем: скажем, это всё, что осталось. Не отберут, думаем, последнее. Появились, вверх дном всё подняли, нашли рожь в кулях и ту, что на печи сохла, забрали. Алексей Аксютец даже зёрнышки смёл с лежанки. Тянули до лета на одной картошке. А летом мать говорит: “Пойдём в колхоз, чо делать? А то план снова принесут”».

Такой конфискационный «план» с первых дней коллективизации государство начало использовать в качестве главного «аргумента» в пользу колхозов. Но и он далеко не всегда срабатывал. В селе Микитаево колхозница Марья Нестеренко поведала автору: «Вызвал моего отца в сельсовете уполномоченный и спрашивает: “Какую цифру выбираешь – 24 или 350?”. Отец молчит. А уполномоченный: “Ты, я вижу, прикинулся непонимающим. Разъясняю: в колхозе налог 24 рубля в год. До утра даю тебе срок на думованье. Утром сам не придешь, мы явимся с описью”. Тятя уполномоченному ответил: “Пойду старуху в колхоз уговаривать. Где такие деньги, 350, взять?”. Уполномоченный одобрил тятю, а тятя не домой пошёл, а по дворам и до ночи собрал эти 350 рублей, в долг... И вот утром уполномоченный на двор, а тятя ему на протянутой руке несёт деньги и говорит: “Ноги чтоб твоей не было возле дома моего”. Тот выиграл, а сделать ничего не может. В следующий раз принесли нам похлеще сумму».

Сумма следующего налога действительно была хлесткой – 100 рублей. И приносили этот «план» не раз в год, а каждый месяц. После трёх-четырёх таких налогов многие безропотно шли в сельсовет и писали под диктовку уполномоченного: «Я, такой-то, учитывая преимущество коллективного хозяйства перед единоличным, прошу принять меня...» и т.д.

И всё же, несмотря ни на что, оставалось немало непокорных. В деревне Евгеньевка Борису Ивановичу рассказала такой случай: «Поступил в сельсовет указ взыскать с Пахома Казакевича налог 1000 рублей (раз он не хотел идти в колхоз). Пахом не дрогнул, продал скот и зерно и внёс налог. Через месяц обложили его ещё на 1000 рублей. В неистовстве мужик продал дом, перешёл жить в баню. Зимой перекантовался. Весной у него отобрали полосу земли и последнего молодого жеребёнка. Пахом лёг на лавку в бане и перестал выходить на улицу. Отказался от пищи (то есть объявил голодовку). К лету Пахома не стало».

Поступок, конечно, из ряда вон выходящий, рассчитанный на цивилизованную власть. Однако в Европе большевиков не зря называли и «людоедами», и «крокоидами». Об этом сам Ленин говорил на одном из форумов. На них приёмы, вроде применённого Пахомом Казакевичем не действовали, даже если бы голодовку объявил не один, а тысяча, сто тысяч, миллион человек. От голода, вызванного в 1932–1933 годы коллективизацией, умерло семь с лишним миллионов человек. В большинстве случаев крестьяне до крайности – смерти – не доходили. Лишившись земли, скота, инвентаря, упёртые упрямы шли на заработки в город, плотничали по сёлам, работали на станциях, но от жизни не отказывались. Однако и в колхозы не хотели вступать.

Читая книгу Черных, содержащую такую откровенную информацию, которая считалась закрытой и запретной в советское время, становится понятно, чем рисковал Борис Иванович, упорно работая над правдивой книгой о коллективизации. Черных совершил не только писательский подвиг, но и гражданский – сказал правду о народных бедствиях периода коллективизации.

Заслуживает внимательного прочтения историческое эссе «Истина Пирогова», посвященное знаменитому русскому хирургу. Б. И. Черных глубоко исследовал такую малоизвестную для российской общественности главу жизни великого соотечественника, как его педагогическая деятельность, нравственные и общественные искания. После ухода из медицины Николай Иванович Пирогов в течение ряда лет выполнял обязанности попечителя Одесского, а затем Киевского учебного округов, в это время он создал оригинальную систему обучения и воспитания учащихся средней и высшей школы. Н. И. Пирогов считал, что независимо от склонностей и талантов каждый ребенок должен стать всесторонне развитой личностью, человеком в настоящем смысле слова. Для этого необходимо дать детям в первую очередь гуманитарное образование, под которым он понимал знания, которые передаются от поколения к поколению и остаются своеобразным маяком на жизненном пути человека. Кстати, Б.И. Черных почти на всём протяжении своей творческой жизни проводил занятия по литературе со школьниками и внедрял в жизнь основные идеи педагогической концепции Н.И. Пирогова.

В тихоокеанском литературном альманахе «Рубеж», затем в журнале «Родина» был напечатан очерк Б. И. Черных о Вампилове «Чистая лампада». Борис Иванович познакомился с Александром Вампиловым в редакции Иркутского государственного университета. Вот как об этом пишет Черных: «Вампилов был человеком гениальным. Я не превышаю планку, что он написал даже по нашим меркам выше всяких уровней, пьесы «Утиная охота», «Старший сын», «Прошлым летом в Чулимске» – это же классика русской драматургии. Мы с ним познакомились в редакции университетской газеты. Он меня всё время отзывал от писем съездам комсомола. Он считал, что я должен писать рассказы, а не письма съездам. Но я считал, что выражать гражданскую позицию необходимо. У меня было какое-то мистическое предощущение – с ним что-то произойдет. И страшное случилось – Вампилов утонул на Байкале».

Вампилову было всего 34 года. Далее в очерке идут «воспоминательные вещи» (определение самого автора) – смешные, печальные, грустные, трагические и вместе с тем высокие, потому что Вампилов владел, по мысли Черных, «поэтической истиной». «В Вампилове было потрясающее пушкинское начало. Слава его пошла в разлив по России, но

слава очень тяжёлая – его не ставили на сцене. И последний удар ему нанесли в Иркутске – там выходил журнал «Ангара», и цензура там по требованию обкома выбросила из свёрстанного номера пьесу Вампилова «Прошлым летом в Чулимске». Для него это был удар, хотя не смертельный, конечно – мы понимали, в какой стране живём», – пишет Борис Иванович. И далее: «Если бы меня спросили: Борис, что ты хочешь? Я бы ответил: хочу, чтобы Вампиловых не трогали. Особенно когда они нарождаются, нарастают. Они нужны русской культуре, сохраните их!».

Российская очеркистика второй половины XX века сохранила верность традициям дореволюционной очеркистики. Восстановление этих традиций стало явью благодаря произведениям Валентина Овечкина, Владимира Тендрякова, Гавриила Троепольского и многих других современников. Один «Моздокский базар» Василия Белова много стоит. Жанр этот ныне переживает, кажется, не самые лучшие времена. Тем радостнее встречать превосходные образчики его, созданные рукой настоящего мастера, способного вдруг сделать видимым и близким, например, простого топографа «маленького человека» Питухина или знаменитого на всю страну драматурга Александра Вампилова, – десятки, сотни типов, лиц, душ человеческих, когда-то прошедших перед памятливым и острым взором Бориса Черных.

Борис Черных, хотя он младше своих предшественников в жанре очерка, не посчитал зазорным пойти в русле лучших заветов отечественной школы публицистики. Самое главное, он везде (и в «Старых колодцах» и во всех своих очерках) сохраняет героя. И любовь к герою. Борис Иванович предпочитает писать не о проблемах, а о человеке. И с помощью своих героев внушает нам ту веру в Россию, в ее настоящее и будущее, которой нам так не хватает. Писатель искренне верит в возрождение величия и мощи России, русского мира.

В 2006 году московское издательство «Европа» выпустило составленный Б.И. Черных сборник статей «Шалва Амонашвили и его друзья в провинции». Количество экземпляров составило всего лишь 500 штук.

Книга посвящена одному из лидеров современной отечественной педагогики, доктору Шалве Амонашвили, который посетил наш регион в 2004 году по приглашению благовещенской частной школы «Наш дом». 73-летний «мудрец и сказочник», Шалва Амонашвили, широко известен не только в нашей стране, но и во всем мире. Его приезд и встречи с единомышленниками совпали с проведением кинофорума «Амурская осень».

Очарованный общением со светилом педагогики, Борис Иванович Черных опубликовал газетную статью «Сказочник Шалва». Пошли

многочисленные отклики. Они и натолкнули писателя на идею выпустить книгу, в которой можно собрать размышления известных в области людей по поводу творческого воспитания местной молодежи. В сборнике нашлось место для публикации творческих работ школьников.

Талантами наша область не бедна, их только в нужный момент необходимо рассмотреть, поддержать и дать верное направление. С этой серьезной задачей может справиться современная школа, ибо она играет роль первой ступеньки на пути в большую жизнь. Борис Иванович твердо убежден, что воспитание в школах должно быть индивидуальным. Писатель выступает против массовости и шаблона в обучении и формировании всесторонне развитой личности, именно личности. Эта светлая мысль проходит ярчайшим лейтмотивом через весь сборник. Борис Черных призывает амурских учителей использовать в своей работе уникальный опыт Шалвы Амонашвили.

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ТВОРЧЕСТВО Б. И. ЧЕРНЫХ: ОСОЗНАННЫЙ ПУТЬ

Когда проза Бориса Ивановича Черных появилась в российской периодике, почти все рецензенты обратили внимание на некую странность: автор прошел через жуткие испытания, но загадочным образом в его рассказах, да и в очерках, сохранилась удивительная светлота и прозрачность. Будто писатель и не проходил мертвые дома, и будто они не оказали ровно никакого влияния или воздействия на него. Это родовая традиция (весь XX век репрессии) сберегла Бориса Черных от черных мыслей и горестных впечатлений. Говорят, он и на политической зоне оставался добрым, отзывчивым человеком, даже с охранниками. А может быть, это православие привнесло в сердце его милосердие и сострадание.

Поразительное ощущение – он сохранил себя для любви. И таким остался до старости, до своего ухода в мир иной. Урок для всех нас, живущих, великий и мудрый.

Проза Бориса Черных тяготеет к чистой и трогательной интонации, к прозрачности создаваемого рисунка. Одной из основных тем творчества Бориса Ивановича была жизнь его родного города Свободного, помимо которой он также занимался исследованиями судеб жертв политических репрессий.

Бориса Ивановича всегда волновали вечные темы русского бытия. В

целом ряде «урийских рассказов» писатель показывает не только свое видение и понимание, но и предлагает свой вариант решения этих вечных проблем. Ответ на вопрос: «Каков этот мир в его судьбоносных первоосновах, чем он живет, куда движется, зачем создается?», писатель дает в рассказе «Месяц ясный». «Земля у нас больно худая, один песок. Не приживется дерево, папа. И отец – то есть береза – отвечает: «Не бойсь, укоренимся, выживем». Укоренимся, то есть будем помнить, чтить и культивировать в себе духовные, народные, нравственные и семейные ценности. А если укоренимся, то обязательно выживем. Эта формула является жизненным девизом Бориса Ивановича, сумевшего не просто выжить, но сохранить свою цельность.

Города Урийска нет ни на одной географической карте нашей огромной страны, а пребывающие в нем Маленький портной Серенька, лучистая девочка Марыля, талантливый сумасброд Венка Хованский, Титаник – отставной майор, возомнивший себя пароходом, добрая Маруся Безотказная и другие обитатели никогда не числились ни в каких домашних книгах и адресных столах. Но это не означает, что все рассказываемое об Урийске является продуктом авторского воображения.

Нет, урийская реальность, очерчиваемая чутким, чувственным тонким, иногда ироничным, но чаще бережно-нежным писательским пером, обладает отнюдь не меньшей полнотой объективного смысла, чем жизнеописание, допустим, какого-то импирического Ачинска, Канска, Урюпинска или Боготола и населяющих их людей. Ибо Урийск является не следствием вымысла или обобщения, а итогом конкретизирующего художественного ограничения простой и вечной в своей простоте жизни нашей «глубинки». «Глубинки», понятой и выраженной Борисом Черных не столько в смысле пространственной отдаленности от столичных центров, сколько в смысле внутренней приближенности к первичным, можно сказать, метафизическим началам бытия.

Петербургский литературовед Юрий Бульчев, анализируя «Урийские рассказы» Бориса Черных, отмечает: «Труд на земле, в тесной зависимости от природных и скрытых в природе тайных сил только на первый, поверхностный, взгляд пригибает книзу жизнеспособность, по сути же дела естественным образом возводит его к небесным первоосновам тверди. Нужна не только укореняющая, укрепляющая и питающая темная почва, но и лучезарное, запредельное светило, к которому бы вечно тянулось снизу все произрастающее из земли».

Таким образом, не случайно главный герой рассказа Серенька видит огромную Россию одновременно зеленой и золотой, как бы сочетающей цвет своих пространственных низлежащих полей с цветом горней запредельности, цветом горящих к небу свечеобразных церковных глав.

В традиционном жизненном укладе икона не менее трудового орудия необходима крестьянину, служителю всякого серьезного ремесла, а Бог – его первый помощник и руководитель. Причем Отец Небесный, и земной труд равно велит поистине трудящемуся и творящему человеку жить в смиренном служении объективной правде, а не собственным прихотям или произвольно измышленным идеологическим кумирам. Вот почему две вещи по наследству передаются в семье Маленького портного от бабеньки к маме, от мамы и Сереньке – икона и швейная машина, а крестное знамение и внутренняя молитва, которыми он предваряет всякую работу, дополняются формулой трудовой аскезы: «Там, где велит своё работа, надо подчиняться велению».

Постоянное вкрапление в простую ткань обыденного жизнеописания странных нитей запредельного духовного происхождения кажется характерной чертой художественного стиля Бориса Черных. Ведь жизнь наша глубоко таинственна и внутренне всегда обращена к премирным далям, даже в самых простых проявлениях. В рассказе «Месяц ясный» автор пишет: «Таинственно машет веткой вяз, таинственно дышит сдобным теплом хлебозавод, таинственно смеется учительница – она научила первачей прочтению слова «мама», и светятся тайной глаза девушек, несущих миру бремя первой любви».

Борис Иванович Черных уверен, – «тайны управляют миром», и потому знает, что жаждущие полной власти над людьми должны вступить в борьбу с подлинной таинственностью мироздания. Таковы плоскоумные, идеологически омарсианенные правители Урийска. Насильственно захватив город, творя в нем, словно инопланетяне, чужое, постылое, они пытаются изгнать все живые и потаённые силы из народного бытия. Они ниспровергают Бога, старательно исковеркав вдохновенный творческий труд, запрещают траволечение, разрушают крепкие, обжитые и одушевленные старые дома, чтобы заменить их бетонными коробами на сваях, и даже принимаются руководить перемещением грозных облаков над вверенным участком государства.

Чтобы вырвать урийцев из естественной связи с духовными основами жизни и удержать под полным контролем, начальство стремится полностью задавить внутреннюю жизнь народонаселения бременем материальных тягот и забот. Борис Иванович показывает, как непросто, порой непосильно урийцам зачать, родить, выходить, выкормить детей; не солгать, не покривить душой; не украсть казенного продукта; не продать заезжему инородцу – знаменитому артисту, наглецу и богачу; вступить за беззащитных добрых китайцев, используемых полицейским ведомством для нагнетания соцподозрительности и повышения доносительской «сознательности» урийцев.

Но вопреки всей искусственно затрудняемой, огрубляемой, заземляемой жизни, в Урийске никак не переводятся люди, которые преодолевают гнет обстоятельств вовне и внутри себя, отстаивают свое мастерство, свою совесть и честь, хранят верность красоте и правде, стремятся к чудесным премирным далям.

Вдруг выясняется, что простая женщина Вера столь непреклонно желает зачать и родить ребенка не просто потому, что он нужен ей, дабы скрасить ее одиночество, но потому что Вера мечтает дать миру особого мальчика – апостола, призванного спасти мир, погрязший в грехе.

Вдруг узнается, что Серенька и Марыля виделись до Рождения и где-то там, в загадочном премирье, они повязаны судьбоносными солнечными нитями.

По мнению Ю. Булычева: «Далеко не случайно центральным, смыслоносящим героем «урийских рассказов» становится Маленький портной. Излучающий душевную теплоту, благородство, внутреннюю правду, духом и ремеслом подчиненный служению красоте, он стоит в центре сплетения суровых нитей обычной действительности и солнечных смысловых связей, идущих из свыше предначертанного бытия».

Маленький портной смиренно живет и шьет не от себя лично, не по собственному плану. «Смотри, сынок, нить под твоей рукой уходит в бесконечную даль», – обращает его внимание мама. Видимо, поэтому он Маленький портной. В урийской жизни ему так и не суждено вырасти и возмужать. С возрастом мальчик превращается в крепыша. Ибо в искаженной, внешне придавленной действительности всё относящееся к великому, истинному, доброму не может нормально развиваться, расти, мужать, плодоносить. Эта добрая уродливость, а может быть, вернее, сказать, юродливость в облике Маленького портного, живущего на стыке двух планов, двух миров, является емким символом глубокой неоднозначности природы «урийской реальности».

Куда в конечном счете придет эта жизнь, точно не знает никто из смертных. Конкретно не ведая будущего урийцы, однако, живут общей надеждой на конечное чудесное торжество правды. Читаем в «Маленьком портном»: «Серенька ловил себя на мысли, что он продолжает ждать чего-то необыкновенного, и, что было ещё страннее, ждала необыкновенного и его мать. Возможно, то особенность России – в России с семнадцатого года все ждали и ждут чего-то из ряда вон, не замечая, что оно, это из ряда вон, неоднократно и жутко сбывалось. Нам всё время хочется верить, что мы достойны лучшей участи, и мы ждем ее и призываем».

Мальчик, подверженный общенациональным страстям и суевериям,

не умел высвободиться из плена томительного ожидания чуда, но одно чудо Серенька, не осознавая того, вершил сам: он улучшал жизнь в окаленной стране, взвалив на хрупкие плечи тяготы, под которыми другие начинают крениться и стонать, ныть и приходить в отчаяние».

Согласно духовным традициям отечественной культуры и литературы Борис Черных призывает не мучить наш ум судьбами Божьими, а «себе внимать». Только внутренний путь каждого из нас к нахождению собственного места в реальной, трудовой жизни мира позволит нам сообща приблизиться к правде соборного домостроительства. И писатель (спокойно прошедший многолетние гонения, суд, пермскую политзону), и каждый из его урийских праведников, внимая шепоту души, дают воплощенные в делах ответы, остерегаясь всякой отвлеченности. После тяжелой школы идеологического угнетения они склонны доверять скорее мысли, нежели слову, скорее чувству, нежели мысли, скорее запаху, нежели чувству, более же всего – любви. Любви самоотверженной, безоглядной, роковой, рискованной, но в последнем счете единственно спасительной.

Все, что несет угрозу живой и беззаветной любви, одинаково чуждо подлинному урийцу.

Порой кажется, что Борис Черных только сверху, из сферы универсальных идей и всякого рода глобальных интересов видит угрозу человечности бытия, не замечая, как со стороны низлежащей, «посконной» жизни нас также подстерегают своего рода напасти и соблазны. Читая рассказ «Жить и умереть в Урийске», начинаешь понимать, писатель склонен верить в то, что «простые люди враждовать не хотят, они выращивают огуречную рассаду, собирают мёд, чинят обувь. Как буднично и добротны могли бы устроить жизнь на планете простые люди, но власть на Земле захватили идеологи, и нет спасения человеку на Земле».

Ю. Булычев, размышляя над этой мыслью Б. Черных, пишет: «Думается, эта народническая мысль, доставшаяся нам от девятнадцатого века, не принимает в расчет того, сколь глубока и серьезна внутренняя поврежденность павшего земного существования и сколь всестороння внутри него угроза нашей высшей природе. Первые войны между первыми людьми начались, очевидно, не из-за идей и вер, а как раз из-за кормовых угодий, огуречной рассады, запасов мёда и прочих прозаических вещей.

Но, в общем и целом, за исключением философических тонкостей сочетания силы земли и солнца, почвы и духа, мне спорить с Борисом Черных не о чем».

Действительно, «урийские рассказы» Бориса Ивановича хочется не

обсуждать, но смиренно читать, с нетерпением ожидая продолжения и веря вместе с Маленьким портным, что именно через Урийск пролегает русский путь в светлую, злато-зеленую Россию. Разве не припав к родной почве, не укореняясь в ней, можем мы надеяться на устойчивый подъем к небу, на неумышленное совпадение многих душ, чувств, умов, на общенародное, национальное возрастание? И становится ясным, что не антипатия к высоким идеям самим по себе, а глубоко национальный конкретно-идеальный художнический реализм заставляет создателя Урийска избегать всяческих необозримо-объемных слов и представлений о России.

«Урийская Россия» Бориса Ивановича Черных – это не умственно-электрифицированная республика «сознательности», не сумеречно-таинственное царство души, подсознания, памяти, чувства, запаха. В «Озимях» Борис Иванович спрашивает: «Знаете ли вы, как пахнет овин или как пахнет в овине? А запах стерни (после гречихи)? Или как пахнет в подеревной, где ладили дуги и полозья для саней? Если вы крестьянский или казачий сын, эти запахи и есть ваша родина».

«Урийская Россия» Бориса Черных – это полноводная русская жизнь, конкретно протекающая через родное село, родной город, родную станицу, родной полустанок.

«Урийская Россия» Бориса Черных – это духовное торжество непризнанной, гонимой и вечно бездомной правды. И потому ни от чего не зависимый в мире бедный трубач становится символом царственного начала в одном из самых горьких урийских рассказов – «Звездный час Венки Хованского». Бедный самозабвенный военный трубач обращает нас к лучшему в самих себе и возвращает к нашей малой родине. «Да, только малая родина с забытым погостом, только светлые лики детей и внуков стоят того, чтобы длить горечь жизни с неминуемым поражением в конце».

Но малый городок Урийск, как мы знаем, не замкнут собой, а распахнут в большую вселенную России. Он призван сыграть особую роль в ее судьбе. Вот почему апостол Андрей (перед началом Русской истории взошедший на пустынные холмы у Днепра и прозревший великое будущее Киева) возвращается именно в Урийск, хотя до поры, до времени пребывает в нём незримо.

Есть и другой тайный знак неотрывности судьбы Урийска от судьбы всей России, если припомнить, что прообразом Урийску служит город Свободный, в котором вырос Борис Черных. Город Свободный до революции 1917 года назывался Алексеевском в честь царственного мальчика – цесаревича Алексея. Маленький царевич, так и не ставший большим по вине злой действительности; маленький портной, сплетающий

нити судьбы и несущий тяжкий крест правды в мире, отпавшем от неё; затаённые ожидания урийцами апостола – весь этот большой ассоциативный ряд не может быть цепью случайных совпадений.

По мысли Бориса Ивановича, несомненно, должно произойти нечто значительное, важное, лучезарное, в дальнейшей жизни Урийска. Что в свою очередь придет из этого провинциального небольшого городка в зарождающуюся новую Россию. Урийск и его обитатели, как и Россия и её огромное население достойны лучшей жизни. Всеобщее спасение, чудо возрождения и обновления кроется в способности людей понять и принять лучезарное откровение высших, горних, надмирных сил. Всем циклом своих урийских рассказов Борис Иванович Черных дарит надежду на такой исход нам, живущим в период перепутья, дальнего выбора, идейных споров. Писатель не прерывает глубинную связь с отечественной художественной традицией и ведет неспешное повествование о вечных темах и проблемах русского бытия в частности, и общечеловеческого вообще.

Многие критики отмечают «самобытность и трогательность рассказов Б. Черных», которые стали для писателя и критика В. Курбатова «странным ошеломлением».

Борис Иванович так оценивал своё творчество: «Так сложилось год за годом, десятилетия за десятилетиями наслаивались испытания. Я привык быть гонимым и даже тихо полюбил это всегдашнее состояние. Незаметным образом оно наложило отпечаток на ум и сердце. Не сделало их злобными, но нельзя же с незаживающей раной жить и здравствовать».

Один из моих рассказов называется «Плач перепёлки». Героиня рассказа теряет любимого ещё в девичестве и не умеет забыть, как мальчиком тот прокрадывался в товарные склады за печатками хозяйственного мыла. Мыло на вес золота, его можно обменять на кусок мяса или на поллитру постного масла. И вот он ушёл по призыву и погиб в Порт-Артуре. Проходит много лет. Славянка не может его забыть, но боль постепенно тускнеет. На излете бабьего лета неверное счастье улыбнулось ей. Она за городом с последней, очевидно, любовью. А он, последний, бывший фронтовик, и он должен пойти в деревенскую баню. Он вынимает из вещевого мешка печатку хозяйственного мыла...

Далее пересказывать не берусь. Но я догадываюсь, что мною написана трагедия или драма».

Показателен его рассказ «Жить и умереть в Урийске». Там по ходу повествования появляются сапожники-китайцы. Потом они исчезают, и начинается история «старой большевички» Гулеванной, которая на самом деле была корпусной дежурной в пересыльной тюрьме, «морозила

в камерах Павла Флоренского и Осипа Мандельштама, но по льготе ушла на пенсию. А потом её партстаж был объявлен большевистским». Вскоре пенсионерка заболела, у неё обнаружили онкологию – рак ступни. Умирая, она, дара речи лишившаяся, вдруг выдохнула: «Китайцы!». И виноватыми в том, что Гулеванную постигла «кара небесная», оказались те самые сапожники-китайцы. Туфли пожилой женщины, которые чинили китайцы, отправили в «местное патриотическое ведомство», дошли эти туфли аж до Лубянки, и там подтвердили: металлические супинаторы «несли в себе радиоактивные изотопы». Некоторые критики думали, что Черных слишком всё «очернил». Но, как справедливо замечает Е. Данилова: «Зло у Черных, несмотря на количество, не определяет качество жизни: его можно перетерпеть. Хотя оно всегда неожиданно, как болезнь».

2007 году в московском книжном издательстве «Европа» вышли два тома «Избранное» Б. И. Черных с предисловием Валентина Курбатова.

Первый том «Избранного» – «Есаулов сад» – составили рассказы («Плач перепелки», «Остров Дятлинка», «Мазурка», «Месяц ясный», «Гибель Титаника», «Маленький портной», «Возвращение», «Sacramento», «Звездный час Венки Хованского», «Туманятся воды», «По лебедям»; ранние рассказы: «Люся выходит замуж», «Тот орешник в долине», «У Порога», «Юнкер Корецкий», «На дворе уже март», «Эрька Журо, или Случай из моей жизни»; рассказы для детей: «Гришунино детство», «Ежик и Капелька»), стихи, драматические сцены («Урийская дидактика») и, наконец, дневники писателя («Сокровенное»).

Современному писателю и литературоведу Максиму Лаврентьеву, написавшему рецензию на двухтомник «Избранное» Бориса Черных, не все показалось одинаково удачным. «Улица превращается в переулок. Стынет небо. Боль в груди. Воздух плотен. Не слышно гула поездов, ползущих по железному пути», это, по мнению критика, «типичный пример стихов прозаика».

Кандидат филологических наук, специалист по литературному краеведению И.С. Назарова в критическом обзоре двухтомника «Избранное» заметила, что «чтение прозы Б.И. Черных – занятие не из лёгких. Его произведения требуют напряжения мысли и чувства». И далее: «Рассказы, опубликованные в первом томе, обращены к разным событиям нашей истории. Писатель рассказывает и о коллективизации («Мазурка»), и о тяжёлом военном времени («Плач перепёлки»), и о дне сегодняшнем («Люся выходит замуж», «Тот орешник в долине»), а в рассказе «Возвращение» рисует сцену разговора Пушкина и Николаем I. Разнообразна и интонационная палитра рассказов. В книгу вошли произведения, отличающиеся и трагической тональностью (таков, напри-

мер, рассказ о судьбе Мазурки, которая с четырьмя малолетними детьми отправилась зимой вслед за мужем в Туруханск и по дороге похоронила трехлетнюю, младшую, дочь Лизу), и юмористической («По лебедям»)).

Стихотворения Б. Черных, созданные в разные годы (1955–1986), опубликованы в первом томе «Избранного» впервые. Автор объясняет: «Только на закате, подводя итоги, для внуков, правнуков, я решаюсь опубликовать то, что выплёскивалось на воле и в застенке».

Считаем необходимым заметить, что многие стихотворения, написаны Борисом Черных в пятилетнем тупике политического заключения. Подробные обстоятельства этого сфабрикованного в 1980-х годах «дела» читатель может узнать во втором томе, где приведены материалы следствия.

Совсем иное ощущение оставляет проза. Здесь у автора богатая генеалогия и – немногочисленность близких и родственных талантов в современности. Лучшими рассказами, на взгляд многих современных отечественных литературоведов, являются «Плач перепелки», «Остров Дятлинка», «Мазурка», «Туманятся воды», «Возвращение».

Рассказы эти наполнены и оживлены красотой русского многомерно-го слова, красотой, в современном новоязе почти уже утраченной, но пока ещё встречающейся в художественной литературе. «Зима будет остудная», «впадал в беспамятство, но опоминялся», «сронила полушалок» – тут найдёт чем «полакомится» истинный ценитель и любитель слова. Всё подлинное, всё аутентичное, а вовсе не декоративно-матрёшечное, не ради красного словца.

Вот так – сочно-описательно, головокружительно-метафорично и без тени цинизма – говорится о страстном любовном свидании: «...она с охолонутым сердцем переступала черту; дальше, за чертой, поезд шёл стремительно или с долгими остановками – в зависимости от мощности локомотива. Мелькали полустанки, огни городов; они выскакивали на перроны, покупали солёные грибы и омуль, позже сельдь и обыкновенных бычков, свежую зелень, вдыхали по глотку воздуха, целительного после душного купе утлой её комнаты, снова шли в объятья друг другу».

Язык этой прозы богат экологически чистыми, применительно к литературе, дарами провинциальной русской жизни, и автор делится с нами своим богатством без всякой принуждённости. В центре повествования – обычный русский человек. Социальная трагедия, сопутствующая ему, порой способна преобразиться искусством писателя в нечто превосходящее себя самоё.

Корни творчества Бориса Черных глубоко проникают в историче-

ские пласты отечественной культуры, образным материалом чаще всего служит современность, но вершина всегда прикасается к «небу», прорывается в надбытийные области, что придаёт совсем иной вес, иной объём этой прозе.

Как пишет в предисловии к двухтомнику «Избранное» Валентин Курбатов: «Он поднимает правду и любовь, как его албазинские каза- чьи предки в половодье поднимали над стремниной детей и спаситель- ные образа, чтобы однажды встать высоко вровень со своей великой историей и стоять с честью, как подобает стоять русскому человеку в райском саду, наконец понявшего своё значение перед Богом мира».

О создании рассказа «Мазурка» Борис Черных писал следующее: «Мазурку» я промысливал всю жизнь, и, однажды ночью на едином дыхании выплеснул на холст. Теперь я обязан сказать читателю, что прообразами героев рассказа были незабвенные мои родители – Гутя (в девичестве Самсонова) и Ваня Черных. «Мазурка» – художественный рассказ, поэтому прямых аналогий искать не следует. Но сердце мое стучит в лад с умирающим веком – хоть толику долга вернуть амур- ской землице, не утаив правды. Поздний потомок разберется, чья прав- да истиннее – казачья или колхозная, православная или безбожная».

В предисловии к отдельному изданию рассказа «Мазурка» В. Курба- тов написал: «То ли старость пришла, то ли сердце ослабло, но при чте- нии “Мазурки” не раз останавливался на пороге слёз. И как, оказывается, душа просит такого светлого смятения!».

В первый том «Избранного» вошли и два детских рассказа. В «Ёжике и капельке» писатель обращается к одной из самых актуальных на сегодняшний день проблем – проблеме лесных пожаров. Он расска- зывает трогательную историю о дружбе Ёжика и лисички по имени Ка- пелька. Во время лесного пожара Капелька вместе со своими родителя- ми, спасаясь бегством от разбушевавшейся стихии, сильно обгорела и умерла. Заканчивается произведение сценой похорон Капельки, которая вряд ли оставит равнодушной маленького читателя: «Ёжик подошёл к Капельке. Она была как живая. Четвертый класс сжался. Всем было горько, и все жалели Капельку. Но жалели и Ёжика.

– Прощай, Капелька, – сказал Ёжик, – теперь прощай навсегда. Я буду помнить тебя вечно.

Тихая музыка вошла в класс.

И доньне эта печальная музыка не умолкает в сердцах зверят».

Рассказ «Гришуткино детство» (с подзаголовком «Святочный рас- сказ») основан на реальных событиях. Эта история, повествующая о мальчишке Гришуне, отданном пастишить в соседнее село к дядьке Лек- сею, прочно связана с многочисленными рассказами великих русских и

зарубежных писателей о тяжелом детстве: «Ванька» и «Спать хочется» А. Чехова, «Ангелочек» и «Петька на даче» Л. Андреева, «Маленький шахтер» А. Серафимовича, «Мальчик и Христа на ёлке» Ф. Достоевского, «Девочка со спичками» Г.-Х. Андерсена.

А. Г. Борзенков, профессор Новосибирского гуманитарного университета, делит героев Б. И. Черных на три основные группы. Первая представляет пассионарную, интеллектуальную часть общества. Таким человеком является топограф Владимир Михайлович Питухин из рассказа «Весенние костры», с которым будущий писатель познакомился еще в школьные годы. Он был одержим в научном поиске, неутомим в походах. В. М. Питухин может являться примером для той части современной молодежи, которая тянется в науку. Несмотря на экспедиции и загруженность основной работой он постоянно развивал свой интеллект, постигал при любой возможности культуру, и любимым его изречением было: «После хлеба образование является первой необходимостью человека». В. М. Питухин буквально «сгорел» в 40 с небольшим лет – фронтовые ранения и профессиональные болезни прервали его жизненный путь, не дав ему стать при жизни широко известным в научной и творческой среде. И только в «перестроечные» годы вышли из печати его первые книги.

Вторая категория героев произведений Б.И. Черных имеет много общего с героями В. М. Шукшина. Венка Хованский, Вера Кузнецова, Мазурка и многие другие персонажи его творчества не вписываются в привычные обывательские стереотипы человеческого поведения. Они зачастую идут наперекор житейской целесообразности и личной пользе, чтобы отстоять свои жизненные принципы. «Сколько бы мы ни рвали сердце страстями, сколько бы мы ни изощрялись в поисках материальных благ – над городом и миром всегда будет царствовать непризнанный и бедный трубач, гонимый и бездомный. Он уведет нас – в звездный свой час – к лучшему в нас самих, и он вернет нас к малой родине. Да, только малая родина с забытым погостом, только светлые лики детей и внуков стоят того, чтобы длить горечь жизни с ее неминуемым поражением в конце...» – такое, может быть, спорное, но буквально выстраданное писателем утверждение является созвучным мироощущению многих представителей старшего и среднего поколений наших соотечественников.

Маленький портной, Титаник, Федя Гладковский, Монаков представляют третью группу героев, которых любит изображать Б.И. Черных. Это люди на первый взгляд обычные, но согревающие окружающих своей добротой и подпитывающие их своей жизненной энергией.

Книга «Эрька Журо, или Случай из моей жизни» включает лучшую прозу Б.И. Черных – его рассказы и очерки. В городе Урийске, где происходят события рассказов, легко узнаются город Свободный и его старый городской парк. С нежностью и любовью автор пишет о городе своего детства и молодости, о родной 9-й школе, об одноклассниках и учителях.

Читатели, привыкшие к гладкому письму, к тому, что литература должна иметь косвенное отношение к жизни – быть для жизни или как бы жизнью, а не самим жизненным опытом, по мнению П. А. Ольхова (доцента кафедры философии Белгородского государственного национального исследовательского университета), будут сбиты с толку, приступив к рассказу Б.И. Черных «Отче наш. Реквием».

Действительно, поначалу, кажется, что Борис Иванович Черных создал экспериментальный текст, в котором присутствует некоторая фрагментарность, недописанность или продуманное разностилье. Всё это свидетельствует о написании текста на пределе искренности. «Отче наш. Реквием» мобилизует личное понимание своим звательным падежом, непридуманным жанром зова.

Не литераторы придумывают жанры. Как любил уточнять известный отечественный учёный-литературовед М. М. Бахтин, люди высказываются жанрами – говорят так, что их речь, в самом моменте своего рождения, как жанр, имеет свой конкретный смысл, своё внутреннее смысловое единство и свою предназначенность. Черных стремится писать именно с такой жанровой точностью.

«Отче наш. Реквием» образуется из воспоминаний. Борис Иванович вспоминает историю Албазинского рода на протяжении минувшего столетия – по сохранившимся эпизодам семейной хроники и по фотографиям. «Нет выверенного психологизма. Архивные материалы, численные данные; события пересекаются, будто в обычной жизни – внезапно и разом, пусть выглядит это некстати для формата последовательного повествования», – считает П. А. Ольхов.

Начинается описание рода с июня 1927 года в станице Албазинской, самой старой на Амуре. Текст рассказа Черных сопровождается семейными фотографиями, среди которых автор особенно дорожит редчайшим фотокадром. Это «фотография безвестного албазинского хроникёра. На ступенях церковно-приходской школы в мае 1910 года учитель собрал воспитанников, чтобы сделать памятный снимок. В нижнем ряду, четвертый справа, насупленный Ваня Черных. А в верхнем ряду пятая справа Гутя Самсонова, в сарафанчике. Ни Гутя, ни Ваня не догадываются, что судьба сведёт их союз навеки, но век окажется коротким, всего двадцать лет»». Так мы впервые знакомимся с родителями Бориса Ивановича Черных.

Своих родителей писатель почти никогда не называет отвлечённым словом. Не употребляет форму третьего лица местоимения. Отец – это, чаще всего, «Ванечка», «Иван», «тятя», «папа Ванечка», «отче». Мать – «Гутя», «мама Гутя», «маменька».

Других близких родственников писатель тоже называет ласково, по-домашнему. Братья и сестра – «Гера», «Гена», «Вадик», «грибочки». Бабушка по матери – «Баба Груня». Дед по матери – «Василий Яковлевич Самсонов», «Гутин отец», «Грунин муж», «бывший станичный атаман». Дед по отцу – «Дмитрий Лаврентьевич Черных», «Дмитрий», «Дмитрий Черных», «дед Дмитрий».

Таковы все участники рассказа, от казаков-прадедов до внуков-студентов и начинающегося поколения правнуков. «Младший сын назван в честь прадеда Дмитрия, а мой внук-великан-красавец в честь прадеда – Иваном. Ваня пошёл в математики-программисты.

Внучка – красавица Ксения – родила двух внуков. Здесь на семейном фото, старший мой сын Андрей держит внука Степана, а на коленях у Наташи, жены Андрея, внучка Маша. То есть это мои правнуки. Зажил-ся я на белом свете».

Перед нами конкретная жизнь, которая прожита и живётся конкретными людьми из рода Самсоновых – Черных, оставляется друг другу в воспоминание. Разумеется, помнится не всё – а то, как умели жить не для времени, не для истории – друг для друга.

Писатель рассказывает о любви и согласии родителей, которые жили и трудились ради детей, «в удовольствие». «Гутя охотно рожала и празднично нянькалась с малышами. Ей помогала баба Груня, мать. Баба Груня несла домашние тяготы тоже в удовольствие». «Гутя боролась за Ванечку с пятнадцати лет». «У Ванечки житейская программа была простая: поднять деток, уде ещё народятся. Никак не менее десяти. Поднять, затем во главе рода ходить по станице, выбирая невест и женихов. Притом Ваня холил Гутю и чем далее, тем всё сильнее понимал, что она отвоевала его, зная одну цель – чем далее, тем преданнее любить Ванечку, единственного, ненаглядного».

Настоять друг на друге для Гути означало «бороться за Ванечку с пятнадцати лет», пройти сквозь репрессии, «собирая подписи в защиту Ванечки», молиться «махонькой иконке» Албазинской Божией матери и писать «дедушке Калинину», терпеливо и радостно воспитывать детей, многое по-казацки умея и терпеливо ограничивая, ради близких, вот и таланты. «Гутя выдержала тогда невиданное испытание. Не просто выдержала. Испытание приподняло её над грешной землёй».

Самое сильное воспоминание у Бориса Ивановича о матери – её поездка с тремя детьми к отцу, сосланному в Туруханск.

В крохотном отступлении писатель рассказывает, когда он, «заядлый книгочей», подросток и прочёл о жёнах декабристов, которые, оставив своих детей на попечение родственников, преодолели семь тысяч вёрст, чтобы быть вместе с ссыльными мужьями, был восхищён подвигом дворянок. Черных до окончания школы и не догадывался, что его мама Гутя совершила ещё больший подвиг – в суровую зиму далёкого 1928 году она вместе с тремя малолетними в течение десяти суток добиралась по ледяной пустыне Енисея к ссыльному мужу в Туруханск. Дело в том, что мама Гутя не считала совершённое ею чем то из ряда вон выходящим – для неё это было естественным разделить с мужем все тяготы жизни.

Борис Иванович пишет: «Отца определили в плотницкую бригаду ссыльных, они рубят избы, ремонтируют бараки ещё царских времен. Тятя тоскует, но позвать к себе Гутю не смеет. Уж больно тяжела дальняя дорога. Притом на кого Гутя оставит деточек? Иван не догадывается о том, что замыслила Гутя. А Гутя замыслила отчаянное решение. В Албазине она распродаёт всю домашность, снова обходит дворы, просит о складчине. Старики отговаривают Гутю: «Ну, куда ты ринешься с малыши? Это край света, там полярная ночь, морозы за пятьдесят». Она выслушивает, но ... в пассажирском поезде добирается до Красноярка. И по тем временам город Красноярск ей кажется огромным. Она снимает на трое суток избу, шлындает по крестьянскому базару, где продают и живность, в том числе лошадей. Она осматривает зубы жеребцам, выбирает подходящего, покупает. Покупает розвальни и большую попону, чтобы в ледовой дороге оберечь детей от простуды. Ждёт попутного обоза, в одиночку идти нельзя: лютуют волчьи стаи. Дождалась, уговорила старшего взять её в обоз. Старшой дивуется – лихая! Но берет её в обоз. Начинается, не побоюсь этого слова, героическая эпопея.

Хорошо, мама Гутя с детских лет знала гоньбу и, повязав шалью лицо, гнала за мужиками, не отставала. На случайных полустанках сердобольные сибиряки давали привал на ночь, поили молоком детей и кормили картошкой. Рано утром, ещё в сумерках, обоз снова шёл в низовья... А ледовая дорога казалась бесконечной, но на десятые сутки перед ними неожиданно предстал Туруханск. Завывала метель. На высокой мачте у монастыря развевался чёрный стяг. Этот чёрный стяг был признанием, что день рабочий активирован, мужики сидели по избам. Нерабочий день пришёлся кстати — праздник для Черныхов. Тятя не мог наглядеться на ребятшек, вспоминала мама Гутя, даже прослезился. Мама считала его кремнёвым, и вдруг слёзы.

Ожидая зимнего ненастья, ссыльные готовили припасы: сахар, соль, картошку, рыбу. С рыбой проблемы. Тогда власть придумала иезуит-

скую меру – русским запретили отлов, и это в низовьях Енисея, когда красная и белая рыба идёт косяками, в нерест можно весло стоймя ставить в улове.

Местное племя кетов имело право брать из реки столько рыбы, сколько поднимут. Это тоже придумала власть. Кеты и поднимали. Солили в бочках, устраивали не продажу, а обмен: русские приносили им водку или самогон, а кеты отдавали хвосты. Что мешало самим кетам в магазинах брать спиртное? А тут другой закон – запрет действовал: не продавать малым сим водку: со пьются-де. Это глупость. Русские покупали поллитровки и шли по чумам или баракам кетов.

Тятя наш быстро усвоил эти уроки, рыба была у него. Малосольная и просто мороженная. А когда есть рыба, жить можно.... Поэтому — рыба. Утром, на обед, на ужин. Впрочем, и на Амуре рыба всегда была в запасе. Ничего нового нет в обильных краях Сибири и Дальнего Востока, всё извечное. И даже непутёвая власть извечна.

Мама Гутя принялась хозяйничать. Сосед тяти, седой ссыльный ... ушёл к сотоварищам, и у Вани с Гутей оказалась комната и кухонька с печкой, ребятишки могли шалить и вволю смеяться... На третий день выюга чуть утихомирилась, Ванечка вывел выводок на улицу, чтобы показать хотя бы часть Туруханска, но внезапно закашлялся. Мама Гутя увидела на белом снегу кровавый ошметок и сразу догадалась: у папы сдали лёгкие, может быть, ещё в камерах Благовещенска, но Ванечка не придавал значения своему нездоровью.

Теперь же рядышком были Вадик, Гера и Гена. И мама Гутя дышала рядом. Мама заметила, что Ванечка спиной всё жмётся к печке. То был тоже признак беды. Что будет с малыми их детишками? Но надо дожить срок ссылки. После ссылки не упекли бы куда подальше. Здесь они вроде бы вольные, хотя каждый день отец отмечался в милиции. Теплятся трубы котельной и монастыря с коего сорваны купола и кресты, а из церковнослужителей (их недавно было пятеро) остался единственный. Остальных угнали в неизвестном направлении. Мама Гутя достала махонькую иконку, копию Албазинской Божией Матери, они походя молча молились.

Гутя принялась писать в Москву, слёзно умоляя о пощаде. Кому она писала, вполне владея слогом? «Дедушке Калинину». О «дедушке» ходили легенды, и, видимо, тиран понимал, что эта добрая слава Калинина греет и власть в целом.

И, представьте, однажды пришел ответ, на министерском бланке. После ссылки семья Черныхов может выбирать место жительства повсюду в России, кроме Албазина и Рухловского района. Тятя рассмеялся – какие мы, Гутя, грозные и опасные. Нельзя землепашествовать на

родине. Но ни тятя, ни мама Гутя не ведали, что происходит в Албазине и на русском берегу Амура. Связь оказалась прерванной. Мама Гутя писала Тале Птицыной, Гавловской, я сёстрам короткие письма, но ответом было молчание. Тятя, понимая своё положение, никому запроса не отправил. Знал: навредит не только семье. А в станице Албазин сотворялись трагические события. Был убит дед Дмитрий. Произошло это так. Не зная о том, что мама Гутя с внуками снялись с якоря и помчались к Ванечке, Дмитрий, тоскуя по сыну и внукам, решил навестить своих. Но посреди ледовой переправы, внезапно выпрыгнувшие из посадок пограничники, перегородили тропу: «Куда, мать-перемать, идёшь, отец? Граница отныне на замке». «К внучатам» – миролюбиво отвечал Дмитрий и пошёл далее. Вслед раздались выстрелы, Дмитрий упал. Пограничники, напуганные бессудной расправой, добились Дмитрия и спустили в ближнюю прорубь. Скрыть событие не смогли потому, что юные солдаты с погранзаставы ходили на танцуйки в албазинский клуб и вышептали девам правду».

Об отце в воспоминаниях Бориса Ивановича не сохранилось ничего явно героического. Но «какой притягательной силой надо было обладать тятю, чтобы за тысячи вёрст, чахоточный, он воззвал маму Гутю, она, немо же, отозвалась на зов и, ни минуты не сомневаясь, ринулась в неведомые края». Как видим, родители, прожившие в «белом круге» своей жизни недолгие и вековые годы, умели позвать друг друга.

Отец умер и стал надёжным прошлым: «Память о неведомом тятю пропитывала меня». Конечно, одиннадцатимесячный ребенок не мог сохранить в памяти образ отца. Лишённый физического присутствия в своей жизни так не достающего ему отца, Борис Иванович бережно хранил в памяти образ отца, сложившийся целостный образ из воспоминаний матери и рассказов старших братьев и сестры. «Неведомый», но так хорошо ощущаемый тятю всегда стоял за плечом Бориса-юноши, Бориса-мужчины, Бориса-отца, Бориса-дедушки. Более того, поддерживал сына в его трудной жизни: «Тятя, стоя за моим плечом, шептал: «Так, сынок. Действуй. Не сдавайся». Я и не сдавался».

В семье вспоминали сбывшиеся предсмертные пророчества отца, одним из которых был ранний уход из жизни среднего сына Вадима. «Пророчество тятю о смерти Вадика сбылось. Вадим, солдат морской пехоты погиб в Порт-Артуре. Не в бою, а в автокатастрофе. Ах, Ванечка, зачем так не близко, но безошибочно ты определил раннюю гибель Вадика?».

В публицистической статье «Мальчик, игравший в войну» Борис Иванович рассказал историю гибели своего брата Вадима. Вадима в возрасте семнадцати лет призвали служить на уссурийскую границу. В

августе 1945 года русская армия пошла на Харбин. Далее – бои в Порт-Артуре. В Порт-Артуре взвод Вадима перевозил водопроводные трубы на студебеккерах. Когда машина с солдатами в кузове по мокрой дороге должна была пройти над обрывом, ребята попросили у лейтенанта, взводного, разрешения сойти с машины и пешком пройти опасные сто метров. Но лейтенант им не позволил этого сделать. Машина сползла в глубокий кювет и перевернулась. Все солдаты были ранены. Тяжело раненый Вадим умер при переливании крови, ему не исполнилось девятнадцати лет. Он похоронен в Порт-Артуре на Русском кладбище.

Читая рассказ «Отче наш. Реквием», чувствуешь, что писатель не боится речевой неуклюжести, не боится смешений, одновременного присутствия в своей речи семейной лексики, канцеляризмов и речевых штампов других эпох, жаргонизмов или возвышенного слова. Целомудрие его рассказа не стилистическое и не идеологическое. Черных говорит о том, без чего нет жизненной точности зова.

Самое притягательное в рассказе вынесено в заголовок. Молитва, которой молился Сын Божий, обращена была к Отцу. На протяжении всего семейного повествования об отце вспоминает и писатель, подбирая нужный падеж русской исторической памяти, стремясь к целомудрию в воспоминаниях. Это его личный долг, который нельзя никому передать или оставить.

Таков ли автор сам в своём отцовстве, каким был его отец? Борис Иванович радостно припоминает своих детей и внуков.

Говорить о себе как об отце Борис Иванович не решается: кто из отцов не знает своих недостатков, и кто не надеется стать лучшим собою в своих детях? Черных точно знает только о том, что не должен промолчать о святости долга отцовства, но нигде не упоминает об этом с высокомерием. «Нынче втихомолку я внушаю сыновьям и внукам стоять до последнего. Имею ли я право показать читателю лица моих (тятиных) потомков?»).

П. А. Ольхов пишет: «У Ойгена Розенштока-Хюсси, немецко-американского христианского мыслителя, не слишком известного в России, есть книга «Бог заставляет нас говорить». В ней речь не идёт о насилии. Дело в том, что мы не можем говорить свободно, не отвечая при этом Богу; отсюда единственно подлинный речевой падеж – звательный (тот, что отсутствует в современном русском языке: сыне, брате, отче).

Черных трудно молвит, отдавая долг памяти отцу, а с ним и своему албазинскому роду. Его воспоминания – не исповедь, но, по всему, воспоминание на покаяние, ответственное родовое слово Тому, Кто не хочет, чтобы мы замкнулись в молчании. Бог принуждает нас к свободному, а не бездумному почтительному слову, заставляет нас быть собою. О сложности такого высвобождения, о спасительности для этого памяти о

ближайшем, о том, что никогда не позабыть, – рассказ Черных.

Неспешно ведёт свой рассказ Борис Иванович о событиях семейной жизни, об умении выживать в условиях не человеческих, о способности пережить уход из жизни родных и близких людей, о стремлении к свету и радости, о внуках и правнуках Ивана Дмитриевича Черных. И хотя Иван Дмитриевич ушел из жизни, когда его сыну Борису было только 11 месяцев, и о реабилитации 1992 года он не узнает, но память и правда о нем пронеслись через десятилетия.

С краткой летописью жизни и творчества, а также личными дневниками писателя Бориса Черных знакомит своих читателей литературный альманах «Амур», который вышел в издательстве БГПУ 21 октября 2012 года. Целый раздел альманаха посвящен памяти Бориса Ивановича. По просьбе редактора альманаха А. В. Урманова юношеские дневники и письма Б. И. Черных предоставила вдова писателя Майя Петровна Черных. Свой выбор предлагаемых к печати материалов Майя Петровна прокомментировала так: «Юношеские дневники и письма, по моему, самое подходящее сейчас. В них прочитывается трепетная, искренняя и тонкая душа Б. И., как и в рассказах. Здесь, на Амуре, Черных видели борцом, бескомпромиссным и жёстким человеком, общественным деятелем. А ведь он писатель, лирик, попытавшийся «набросить голубой покров на наши печали» (сам говорил). Куда уж неожиданней».

Дневник – традиционный жанр российской словесности. Жанр вполне самостоятельный и, надо сказать, коварный. В дневниковых записях не спрячешься, не заслонишься героем. Дневник, как жанр, требует безусловной и полной откровенности, записные книжки великих людей иногда поражают то мещанским самодовольством и пошлостью, то излишней, в расчёте на потомков, экзальтацией. Человеку всегда интересен другой человек, интересна история души человеческой, её сущность. Человек – сумма своего прошлого.

В своих дневниках Борис Иванович Черных предельно открыт и откровенен. По замечанию В. Илюшина: «Черных не прячется, не пытается как-то приукрасить, отретушировать себя тогдашнего. В том, давно исчезнувшем юноше, который учился в Иркутском университете, уже просматривается непростая, ломаная судьба российского интеллигента, и юноша ещё не знает, что придётся ему пережить и слежку, и травлю, и допросы КГБ, и Иркутское СИЗО, и Лефортовскую тюрьму, и Пермский лагерь для политических заключённых».

Тем и ценны эти строки – в них видно сокровенное начало поисков правды. Божественная сущность которой помогает перемочь все жизненное испытание и трудности.

Записи их школьных и студенческих лет открывают Бориса Ивано-

вича Черных с неожиданной, лирической стороны. Приведём несколько дневниковых записей писателя, опубликованных в альманахе «Амур».

«1952 год.

25 декабря. Решил писать дневник. Пустословить не хочу, буду записывать – как я думаю – полезное для себя. Например, делать выводы из прочитанных книг».

«1953 год.

3 февраля. Прочитал залпом «Евгения Онегина». Слаб по химии, запустил, и не люблю. Влюблён в историю и литературу, нравится геометрия.

Учитель по физике не пользуется авторитетом у нас. А русский – если бы я знал в совершенстве русский, сейчас же сел писать книгу – так хочется рассказать о себе и о других».

16 декабря. Мысль организовать литературный кружок. Чтобы обстановка была деловая и люди – тоже. Как во времена Лермонтова. И чтобы музыка была – надо мною тихий голос пел...».

1954 год.

17 декабря. Я не написал в домашнем сочинении («Я люблю свой родной город») о том, что мне нравится северо-западная окраина Свободного с кладбищем и колокольным звоном старой церкви, с ромашкой на улицах. Но я всё же написал – там много поэзии. Валентина сморщила лицо: «А заводы, а управление дороги, а стадионы – вот поэзия». Как гвоздём по стеклу, у Маяковского, сказал я. Валентина задыхнулась, по лицу пошли красные пятна».

1955 год.

1 декабря. В каждом произведении надо отличать три элемента. Самый главный – это содержание, затем любовь автора к своему предмету и, наконец, техника. Только гармония содержания и любви даст полноту произведению, и тогда обыкновенно третий элемент – техника – достигает известного совершенства сама собой. Толстой».

Безусловно, дневник Бориса Ивановича, рассказывающий историю становления личности писателя, привлечёт внимание читателя. На страницах дневника – всё самое сокровенное: впечатления от прочитанных книг («Прочитал Рабле “Гаргантюа и Пантагрюэль”, смеялся. Читал “Георгия Седова” и чуть не плакал»), запавшие в душу цитаты, первая любовь и первые стихотворения, удачные и не очень фразы преподавателей и студентов, нелепые лозунги («Смех должен быть плановым»).

Б. И. ЧЕРНЫХ В ВОСПОМИНАНИЯХ И ОЦЕНКАХ СОВРЕМЕННОКОВ

«Борис Черных зрелый прозаик. У него свой, богатый сибирскими красками язык, свой мир, пронизанный любовью к людям, своя философия существования.

Город Урийск, обитатели которого воспеваются художником, не отмечен ни на одной карте России. Это город, созданный фантазией художника, во всём остальном вполне современен и узнаваем. Рассказы о нём я бы назвал началом большого лирического эпоса. Начало многообещающее. Хочется верить, что этот цикл будет иметь долгое и плодотворное продолжение. Талант не иссякает там, где не иссякает любовь».

Фазиль Искандер
(писатель)

«Мне очень нравится творчество Бориса Черных. Считаю, что это действительно высококлассный автор. Открыл его для себя совершенно неожиданно. Году в 1994-м я печатался в журнале «Грани» и в том же журнале прочёл его повесть. Помню, с таким удовольствием проглотил эту вещь, не зная, ни что это за человек, ни откуда он. Позже мы разговаривали о Черных с Леонидом Ивановичем Бородиным (к сожалению, он не так давно скончался), бывшим редактором журнала «Москва». Так вот, Бородин знал Черных, а тот даже писал про Леонида Ивановича. Они оба были политзеками в свое время. Личность Бориса Черных меня очень заинтересовала. Так жаль, что не имел возможности познакомиться с ним, пообщаться...

У провинциальных писателей есть бесценный капитал – это неповторимый колорит их края. Неподдельный. Настоящий. Зачем разменивать его на нечто выдуманное?».

Алексей Варламов
(писатель)

«С Борисом Черных я познакомился, когда ему было уже за шестьдесят. До этого я слышал, что есть такой известный писатель, наш земляк, но то были ничем не подтверждённые слухи. На вопрос «что он написал?» никто из местных книжечеев ответить не мог. <...>. Ну а потом я познакомился с его творчеством. Стало понятно, почему в советское время никто из наших земляков не читал книг Бориса Ивановича – они тогда были запрещены.

Скажу сразу: то, что создал Черных, заслуживает самой высокой оценки. (Имеется ввиду произведение «Старые колодцы. Историческое

исследование по истории колхозного строительства»). Я бы даже назвал его работу гражданским подвигом писателя: он сохранил для потомков живые голоса тех реальных крестьян, по которым прошёлся безжалостный каток сталинской коллективизации».

Альберт Кривченко
(первый губернатор Амурской области, 1991–1993,
член Союза российских писателей)

«У Бориса Ивановича было открытое, непосредственное, доброе человеческое сердце. Доброе, но в то же время требовательное к себе и остальным людям. Очевидно, следствием этой требовательности была крайняя дисциплинированность Бориса Ивановича. <...>. Сошлись мы на почве литературной. А почва эта неблагоприятной быть не может. Через неё я обрёл наставника, мнение которого ценил и ценю до сих пор. Учитель в современной России, православие, в том числе в школе, – эти темы стали для нас общими. Именно благодаря Борису Черных я смог утвердиться во взглядах и обрести, наконец, свою ось, свой внутренний стержень. Борису Ивановичу я приношу свой земной поклон. <...>. Я встретился с этим человеком в самый трудный период своей жизни. Мне жаль, что я мало провёл с ним времени и так мало узнал его. Но даже этого малого было достаточно, чтобы изменить мою жизнь, как я считаю, к лучшему. И я надеюсь, литературное наследие, оставленное Борисом Ивановичем, не осядет на полках книгохранилищ, но будет шевелить сердца людей, просветлять умы и сподвигать к духовному подвигу, который так ярко описан в его произведениях.

Мир и покой Вам, Борис Иванович, и вечная память».

Андрей Пономарёв
(учитель труда, литератор)

«В очерке «Чистая лампада» Александр Вампилов, с которым Черных дружил в молодости, называет его Дон Кихотом. Да, возможно, некоторые поступки Бориса и можно окрестить донкихотством, но, в целом, его творческий путь прям, осознан, бескомпромиссен, как ни высокопарно это звучит.

А Борис Иванович Черных оставил читателям не только свои прозаические книги, но и альманах «Чистая лампада» – творческий огонёк, который русский писатель возжёт в юных сердцах и душах».

Памяти Бориса Черных

*Раньше, приезжая на родину,
я ходил по гостям,
теперь – на погосты...
оказывается, это не просто
осознавать,
что все дороги ведут в храм.*

*Там
воскресают давно позабытые имена,
лица, канувшие
в беспредельность и бесконечность.
Память – так же реальна,
как вечность,
но лишь тому,
кто зорок душою,
она видна.*

5 октября 2012 г.,
г. Благовещенск.

Валерий Черкесов
(поэт, член Союза писателей России)

«То ли старость пришла, то ли сердце ослабло, но при чтении его прозы не раз останавливался на пороге слёз. И как, оказывается, душа просит такого светлого смятения!

Потемнел и ожесточился общий тон нашей литературы. Мы стали писать прошедшее либо с брезгливым ожесточением, либо с ностальгической пышностью, рисуя век то железным, то золотым и медленно забывая век человеческий, где высокое ходит об руку с низким, где свет мешается с тьмой, а беда с победой.

А тут – на коротком, как человеческая жизнь, и долгом, как эта жизнь, поле Борис Черных умеет соблюсти полноту и меру, какая даётся только памятливому благородному дару, чей девиз и стар, и молод: нежность и правда, как внешне ни противоречивы эти слова. Рассказы его – это поклон русской женщине.

«Это было в России, это было в раю», – писал Набоков. «Это было в России, это было в аду», – думал в тот же год Бунин. А это было в России, где и одна человеческая жизнь, и общая история всегда раскидываются на полсвета и умудряются в себе всё разом и заплести счастье и горе в узел, где концы утрачены, и развязать их не в человеческой воле.

Этот русский писатель с зорким и любящим сердцем, он пишет о русской судьбе – стремительной и долгой, как лучшие простые и печальные баллады и песни нашего народа. Они спеты доверчиво и откровенно, как поёт обычно русский человек, бледнея лицом на горьких стихах и возносясь на счастливых.

Эти слёзы при чтении к свету. Значит, мы по-прежнему дома и не забыли ответов милосердной русской литературы – быть человеком до конца»»).

Валентин Курбатов
(писатель, критик)

«Писатель слагает своим героям дивный венок благодарности за уроки свободы и радости посреди безумия падающих обществ и опять, как великие его учителя и предшественники по русской литературе, напоминает, что свет растёт из страдания.

Он понимает правду и любовь, как его албазинские казацкие предки в половодье поднимали над стремниной детей и спасительные образы, чтобы однажды навсегда выйти на твёрдый берег и встать высоко вровень со своей великой историей и стоять с честью как подобает стоять русскому человеку в райском саду, наконец, понявшего своё назначение перед Богом мира».

Валентин Курбатов
(писатель, критик)

«Свобода суждений, иногда резкость, иногда нарочитая – всё это привлекало в разговоре с Борисом Ивановичем и выгодно отличало от унылого и регламентированного общения с университетскими преподавателями. Сейчас понимаю, что у Бориса Ивановича был уникальный полемический и педагогический дар. В этом человеке соединились умение заинтересовать своими знаниями и способностью нетривиально мыслить, желание слушать собеседника и вызывать, можно, даже сказать, провоцировать его на откровенность. А главное свойство БЧ, без которого учитель не учитель – отношение к ученикам как к молодым и неопытным, но, несомненно, талантливым коллегам. Да, именно к коллегам».

Андрей Грохольский
(иркутский журналист и писатель,
член Союза российских писателей)

«В те времена мы уже были готовы отрицать, но не готовы утверждать. Модель «развитого социализма» и идеология коммунизма вызывали у нас стойкое неприятие. Во многом, кстати, благодаря совершен-

но тупой и лживой официальной пропаганде, которая лишь доказывала, что власть держит всех за дураков. Что противопоставить ей взамен? Ответы мы искали у русских писателей. У тех, кто был далеко – Достоевский, Солженицын, и у тех, кто был рядом – Черных. Но Борис Иванович не давал готовых рецептов. Создавалось ощущение, что он сам искал ответы на вопросы, что мучили всех, вместе с нами искал пути к истине, продираясь через окружавшие нас дебри махрового материализма и атеизма».

Андрей Грохольский
(иркутский журналист и писатель,
член Союза российских писателей)

Ботанический сад

(Светлой памяти
Вампиловского книжного товарищества,
разгромленного Иркутским КГБ в 1982 году)

*Под сенью Ботанического сада,
(под сводами духовного Лицея)
Печаль струилась и сияла радость.
От юности неистовой пьянея,
Мы жили своевольно и строптиво:
Любили небо, звезды и деревья,
любили книги – презирали чтиво,
и понемногу пробовали перья.
Дышалось вольным воздухом отрадно.
И в бедном романтическом жилище
Свой лик запретный нам являла правда
(как верно – что находит тот, кто ищет).
А в кабинетах нелюди читали
«Тетради» наши, и статьи, и письма,
И красною чертою отмечали
Достоинства исполненные мысли.
И дело двигалось на загляденье споро.
И делу дан был ход. И очень скоро
Вступили мы в круговращенья ада
Под знаком Ботанического сада.*

1982 г.

(Наталья Смирнова)

«Сейчас-то понятно, в чём была ошибка Бориса Черных. Слова советских вероучителей относительно всеобщего социалистического счастья надо было заучивать и повторять, а он ещё и верил в эти слова – отсюда все его беды.

Судьба старших в семье вроде бы не располагала к такой доверчивости. Дед, георгиевский кавалер, воевал в Гражданскую на стороне белых и был за это расстрелян. Этого было достаточно, чтобы во время коллективизации отца и мать сослали в Туруханский край. Вернувшись их этой ссылки, отец вскоре умер от чахотки – Борису было тогда год от роду.

Мать одна растила четверых, зарабатывая шитьём. Она и Бориса потом обучила шить на машинке. Много позже лагерная администрация определила его на швейное дело, рассчитывая, что он сгинет, не в силах выполнить норму. А он успешно шил рукавицы для эзков. Но до этого надо было дожить: арестовали Бориса на закате брежневской эпохи. А вступал он в активную жизнь, полный веры и надежды, в пору хрущёвской оттепели».

Отто Лацис
(журналист, публицист)

«Одним из самых замечательных результатов творческой деятельности Вампиловского книжного товарищества стала его издательская деятельность. Она концентрировалась в основном вокруг издания самого настоящего литературно–художественного альманаха, который его авторы скромно назвали «Литературные тетради». Творческому активу под руководством Б. Черных удалось издать в машинописном виде 3 выпуска и подготовить рукопись следующего выпуска. Это самостоятельное литературное и политологическое издание начинающих поэтов, прозаиков, философов, историков внимательно читалось не только членами товарищества, но и их друзьями и знакомыми в университете и других иркутских вузах.

Этот плодотворный процесс творческого и нравственного возмужания был искусственно прерван.

Этим летом я был в Иркутске и убедился, что «Литературные тетради» существуют в целости и сохранности у ряда бывших членов Вампиловского книжного товарищества. Мне кажется, что в высшей степени будет справедливо, если удастся переиздать их типографским способом. Дело теперь за меценатами и спонсорами».

Алексей Борзенков
(доцент кафедры истории России
Новосибирского государственного университета)

«С Борисом Черных я познакомилась, когда еще училась в школе. Мне было 14 лет. Он преподавал нам основы права три месяца. Появился, заинтриговал, исчез. Затем произошла встреча в университете. Снова какая-то таинственность, интерес. Помню, когда я с Ириной Виноградской впервые пришла в хижину Бориса в Ботаническом саду, у него играла песня Булата Окуджавы «Заезжий музыкант». Мне сразу там все понравилось. Сам Борис очень располагал к общению. Он умел относиться к человеку так, что тот чувствовал себя нужным. Всегда интересовался личностью, душевным состоянием. Нам всем не хватало духовности, в обществе того времени все было как-то приземлено, обыденно. Общаясь же с Борисом, мы открывали что-то новое, нравственное для себя.

Борис считал, что человек должен в жизни все выбирать сам. На все иметь свое собственное свободное мнение. Поэтому он имеет право читать и запрещенную, и не запрещенную литературу. Чтобы быть свободным в приятии или неприятии добра и зла. Мы читали все, что могли достать. Солженицына, Бунина, Платонова... Некоторые из таких книг были найдены и изъяты у Бориса при обыске.

Когда Бориса арестовали, я пошла в милицию добровольным свидетелем. А прочитав протокол «своих» показаний, которые были искажены, я отказалась от показаний вообще. Поэтому в судебном процессе не участвовала.

Что интересно, обвинителем Бориса выступал тогда один мой преподаватель русского языка, который Б. Черных даже не знал. Своей обвинительной речью он пытался, конечно, минимально навредить Борису. Это было вынужденное, искусственное обвинение, как и многое в то время.

Борис очень много нам дал в духовном плане. Он был для нас нравственным учителем, интересным писателем, другом. Сегодня участники товарищества мало общаются между собой, но романтический образ Бориса, я думаю, каждый сохранил в памяти и в сердце».

Юлия Пушкина

«Цель деятельности Вольного студенческого общества «Вампиловское книжное товарищество» была просветительская. Конечно, мы разговаривали и о политике тоже, но занимались все-таки в основном литературой. Помню, я готовила доклад по Достоевскому, который считал саму социалистическую цель: бороться только за то, чтобы все были сыты – безнравственной. И Борис говорил о нравственном совершенствовании каждого человека. Человек должен себя изменить, обогатиться духовными, культурными знаниями. За счет этого он будет внутренне противостоять злу, например, тому же Гитлеру, если он придет к власти. То есть народ должен быть готов к тому, чтобы не принять та-

кого лидера, как Гитлер. А начинать нужно, как он говорил, с нравственного воспитания человека.

В 1983 году мне тоже пришла повестка в суд. Помню, я была потрясена. Считала это абсурдом, ошибкой. На допрос пошла спокойно. Обращались со мной нормально, ничем не запугивали. Вежливо попросили (как и всех других свидетелей) подписать стандартный протокол, то есть составленный еще до допроса свидетеля. Я интуитивно почувствовала, что подписывать его не надо. Мой отец тогда был крупным сельхозработником, может быть, поэтому на меня не слишком давили. Я отказывалась соглашаться с пунктом протокола, который обосновывал мой выход из товарищества несогласием с политическими взглядами Бориса Черных. Пришлось заменить его на то, что мне не нравились усы Игоря Арефьева, одного из членов товарищества.

Вообще на допросе обходились довольно бесцеремонно, насколько я помню, многим грозили лишить права защищать диплом, исключить из университета. После судебного разбирательства мне, правда, за тысячу причин отказали в возможности поступить в аспирантуру. Было ощущение, что для осуждения Бориса откуда-то сверху была запущена огромная машина, которую уже невозможно было остановить. Бориса обвинили в антисоветской агитации и пропаганде. Все судебные исполнители, наверное, сами мало верили в его виновность, но был приказ сверху, который нужно было выполнить.

Для Бориса суд, по-моему, не был неожиданностью. Он всегда спокойно относился ко всему, что с ним происходило: ко всем взлетам, ко всем падениям. Чем больше было за его плечами горького опыта, тем сильнее и реальнее было его желание снова подняться и снова свободно говорить. Среди слепых исполнителей приказа, которые даже фамилию Осипа Мандельштама не могли правильно произнести, Борис выглядел интеллектуалом, высокоэрудированным, невинно осужденным человеком. Он произнес очень красивую, глубокую речь о том, что в жизни человек во всем должен идти до конца, и быть правдивым во всем. Помню, он сказал, что ему всегда нравилась песня «Что тебе снится, крейсер Аврора?» Борис все хотел разгадать: что же ему снится, «в час, когда утро встает над Невой?».

Ирина Виноградская

«Пусть дневники Бориса Черных и его судьба станут назиданием и примером нынешнему поколению русских мальчиков, готовых в очередной раз перекроить карту звёздного неба».

Владимир Илюшин
(прозаик)

«Я достаточно хорошо успел узнать его. Точнее, почувствовать. При встречах, при взгляде в его нездешние глаза я чувствую, как мне настоятельно хочется жить строже, честнее. Несуетно. Когда мы беседуем, непоседливые мысли мои дисциплинированно выстраиваются, мелкая житейская белиберда отступает, и совсем не пошлым начинает представляться тот строй логики и чувств, который в повседневной суете представляется высокопарным.

Я храню письма Бориса Ивановича, перечитываю часто, заряжаюсь энергией и совсем не типичной теперь цельностью восприятия жизни, явлений, Мира.

Да вот хотя бы строчка из последнего письма: «Ныне сепаратизм в моде. Кто только не собирается отложиться от России! И Дальний Восток тоже? Но Россия завещана нам предками, и мы обязаны передать её детям и внукам большой, единой и сильной».

Вадим Князев

«Уже один из его первых рассказов – «Юнкер Корецкий – был восторженно принят А. Вампиловым. Корифей современной литературы Александр Исаевич Солженицын читал его «Озимы» ещё в эмиграции в американском Вермонте. А сдержанно-скупые слова Фазиля Искандера явно демаскируют глубинные, потаённые струны мужского уважения и безоговорочного признания Мастером таланта самобытного словесника. Дитя «искривленного» советского и постсоветского XX века, он в бытовом общении с окружающей действительностью сопротивляется, как может, всепроникающей коррозии человеческой души с её божественным предназначением. Не всегда и во всём это удаётся. Но главное Дело его жизни, помимо талантливой сути, обрамлено археологической интеллигентностью, которая, к сожалению, у нас всегда наказуема. И не только «психушками», лагерями. А он, упрямый по жизни, каждодневно, по миллиметру, «расчищает» вокруг себя пространство в полной уверенности, что долго безлюдным оно не останется. Такой видится со стороны философия бытия Очарованного странника на русском берегу с амурскими корнями».

Сергей Иванов

«Борис Черных, прежде всего работник, работяга. Если сказать в два слова, как говорили в XIX веке, он любезен Солженицыну и Астафьеву. Награды выше нет. Главная идея его, писателя и гражданина, – идея восстановления корней. Отцы, деды, прадеды, семейная традиция. Без нее нет никакой почвы. Он этому посвятил свою жизнь».

Юрий Карякин

«Борис Иванович не дожил до своего юбилея, не дожил до презентации своих последних работ. Но эти работы он успел завершить, доделать, поставить точку. Это под силу человеку с большой силой воли. Из жизни ушёл не просто человек, а человек беспокойный, совестливый, переживающий с болью в сердце за своё Отечество, своих земляков, свою школу.

Борис Иванович – один из выдающихся выпускников нашей «девятки», он был большим другом школы, всегда интересовался, что происходит в родных стенах.

В 1994 году учредил конкурс для учащихся школы № 9 «Премии маленького портного», Эрки Журо, премии Лёхи-американца. Это герои рассказов писателя. Среди них мы узнаём земляков-свободенцев (или, как писал Борис Иванович, урийцев).

Борис Иванович жил всегда проблемами культуры, духовности. Мы помним изумительный праздник – Дни китайской поэзии.

Этому человеку принадлежала идея организовать Дни памяти А. И. Солженицына, которые завершились открытием мемориальной доски на здании свободненской железнодорожного вокзала.

Человек нелёгкой судьбы, Борис Иванович прекрасно понимал, что надо помнить людей, которые жизнь отдали за родину».

Коллектив учителей,
учащихся и родителей гимназии № 9

«В Луговом мне впервые удалось задушевно поговорить с Борисом Ивановичем. Говорили мы о многом – о судьбе России, о судьбе её народа, о духовности, о литературе... О вечном и бренном мы говорили. Мне было интересно слушать этого человека, наблюдать за его реакцией на мои слова, на мои мысли. Я видел, как он страстно живёт эти миром, воспринимая его во всех ипостасях. Видел и невольно сравнивал его с его книжными героями. Это объяснимо: всегда в разговоре с художником хочется понять, а чью жизнь он пишет в своих произведениях – свою, знакомую до боли, до каждой кровинки-капельки, или же чужую – вымышленную, вымученную и малоправдивую. Сегодня понимаю: Черных писал свою жизнь. И потому всё, о чём он писал, остаётся в памяти».

Алексей Воронков
(писатель)

«Упрямство в нём было – это да. Черта характера трудного и сложного. Он был сложным в общении. Максималист, всем неудобен».

Геннадий Хороших
(писатель-правозащитник)

«Тип таких людей – «башня крупного калибра». Они неудобны даже для коллег и единомышленников, но в первую очередь они неудобны для административных работников всех мастей. Чиновникам удобнее разговаривать с людьми своего уровня. А таких, как Черных, они боятся и сторонятся, не хотят иметь дело».

Виталий Диксон
(писатель)

ИНОМАРКА

*Черных Борису
с пожеланием здоровья*

*Поэта
сбила
иномарка...
В реанимации поэт.
Ему то холодно, то жарко.
В глазах,
мерцая,
меркнет свет...
Поэта сбили за грехи –
За злободневные стихи
О рабстве,
равенстве, свободе,
А может, о плохой погоде...
Под капельницей
выживает*

*Он
... и, конечно, знать не знает,
Что иномарка
В этот час
Уже попала
под КАМАЗ...*

2008 г.

Николай Еремин

«Наказание не убило Бориса Ивановича как личность. То есть органы не добились своего, а получили обратный результат. Лишение свободы оказало на него огромное влияние, но как личность он мало изменился. Он тогда разработал свою теорию поражения. «Побеждает тот, кто умеет проигрывать».

Геннадий Хороших
(писатель-правозащитник)

«Борис Черных – природный литератор, он прекрасный и очень своеобразный прозаик, очеркист, публицист, документалист.

Разговор о литературном творчестве Б.И. Черных – это отдельная тема. Можно сказать, что он никогда не писал и не пишет на потребу и «лёгким пером». В его прозу нужно неспешно вчитываться душой и сердцем, тогда она поразительным образом откликнется и открывает себя, и трудно потом оторваться от создаваемых пером писателя картин, образов, событий. Его проза – это истинно русская проза, где есть чувства, боль, сострадание, где есть щемящее дыхание прошлого и живое настоящее, где есть авторский язык и стиль».

Алексей Падалко
(писатель)

МЕТОДИЧЕСКИЕ РЕКОМЕНДАЦИИ К ИЗУЧЕНИЮ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА Б.И. ЧЕРНЫХ НА УРОКАХ ЛИТЕРАТУРНОГО КРАЕВЕДЕНИЯ

В частной авторской школе города Благовещенск «Наш дом», являющейся отделением Центра Гуманной Педагогике на Дальнем Востоке, есть замечательная традиция – каждый понедельник начинается с «Пушкинской проповеди». Её послыл: сказать друг другу « здравствуйте» в начале рабочей недели; сверхзадача: возбудить мысль учеников в эмоционально-нравственном направлении, пробудить чувство патриотизма и гражданственности.

«Пушкинская проповедь»: «Неизменное в изменениях», произнесённая директором школы Светланой Юрьевной Городович, всем своим содержанием призывает учеников к силе духа, помогающей бороться за истину в любые времена, к формированию в себе способности не сдаваться перед жизненными испытаниями, стать равнодушными и глубокомыслящими людьми. Примером такого внутренне свободного, не склоняющего голову перед обстоятельствами и несправедливостью человека, является Борис Иванович Черных. Эта речь была произнесена при жизни писателя и произвела неизгладимое впечатление на школьников. Приводим её полностью.

*«Когда для смертного умолкнет шумный день
И на немые стогны града
Полупрозрачная ляжет тень*

*И сон, дневных трудов награда,
В то время для меня влачатся в тишине
Часы томительного бденья...*

Эти строки пушкинского «Воспоминания» Читал Борис Иванович Черных с душой полной смятенья и надежды весной 1983 года в зале иркутского суда, где происходил уникальный по своему цинизму процесс: судили непокорного писателя. Его обвиняли в распространении произведений Солженицына. В то время он был одним из немногих неравнодушных и глубокомыслящих людей, которые чувствовали фальшь властей, их идеологических лозунгов и которые пытались донести до людей правду через свои статьи, художественные произведения. Этим людей называли «узниками совести» или «инакомыслящими». Или на английский лад – диссидентами. Их арестовывали, запугивали, пытались сломить бесконечными допросами. Слабые сдавались, сильных отправляли в психиатрическое лечебницы, лагеря. Какая сила помогала им выстоять и не отказаться от истины даже под страхом лишения свободы, а, порой и жизни? Что помогало им не отчаиваться перед испытаниями, не согнуться под давлением мощнейшей государственной машины? Вера? Совесть? Любовь к Родине? Я не смогу ответить на этот вопрос...

Борис Иванович – человек, непобоявшийся вступить за опального и гонимого Солженицына, произведения которого вы изучаете сейчас по школьной программе. Он, создавший в 70-е годы литературное Вампиловское общество молодых и талантливых своих учеников и открыто выступивший против режима Брежнева, может вам ответить на этот вопрос своими произведениями.

Ведь человек, для которого Честь, Правда, Родина – не лозунговые призывы, а естественные, неотъемлемые от его жизни понятия, вряд ли будет тратить время на выяснение мотивов своей потребности бороться за истину в любые времена. Для таких людей нет разницы 60-е или 2000-ый год на дворе. Они всегда честны перед людьми и собственной совестью. Они неизменны в изменениях, потому что имеют внутренний личностный стержень, «Генеральную идею», как говорит Борис Иванович. Таких – единицы, а, посему, пользуйтесь подаренной Богом встречей. Учитесь формировать в себе тот самый стержень, который не позволит вам склонять рабски голову перед обстоятельствами и несправедливостью».

УРОК ЛИТЕРАТУРНОГО КРАЕВЕДЕНИЯ

Тема: Нежность и правда.

Обсуждение рассказа Б. И. Черных «Мазурка»

Цели урока:

1. Познакомить учащихся с жизнью и творчеством амурского писателя Бориса Ивановича Черных.
2. Развивать интерес к чтению книг амурских авторов.
3. Расширить представление учащихся об амурских казаках.
4. Помочь детям уяснить взаимосвязь некоторых доступных для их понимания нравственных ценностей, таких как: готовность совершить поступок, поддержать друг друга в трудную минуту.
5. Воспитывать патриотизм на краеведческом материале, формировать литературный вкус.
6. Выработка умений анализировать прозаическое произведение.

Оборудование урока: портрет Б. И. Черных; фотографии из фотоархива писателя; выставка книг Б. И. Черных.

Методические приёмы: рассказ учителя; беседа по предложенным вопросам.

Ход урока

1. Слово учителя

Творчество – это создание новых по замыслу культурных и материальных ценностей. В литературе это создание нового произведения любого жанра. Какие жанры в области литературы вы знаете?

(Стихотворение, повесть, рассказ, роман, ода, эссе и т.д.)

Творчество Бориса Ивановича Черных многосторонне. Он известен как автор повестей и рассказов, исторической хроники, очерков, стихотворений, вошедших двухтомник «Избранное».

Борис Иванович Черных родился в трагическом для России 1937 году, в котором погибло в концлагерях и до сих пор малоизвестных местах множество православных и буддийских священников, казаков, студентов, учителей, профессоров, писателей, поэтов, военных и простых русских людей. Появился на свет будущий писатель 13 июля в городе Куйбышевка-Восточная (ныне Белогорск) в семье рассказаченных Ивана Дмитриевича и его жены Августы Васильевны.

В 1956 году, после окончания Свободненской средней школы № 9, Черных поступил на юридический факультет Иркутского университета, но уже вскоре понял, что профессия юриста не является его призванием, его больше манили журналистика, писательские опыты и обще-

ственно-политическая деятельность. Первые литературные опыты Бориса Черных уже были заметны.

Одной из основных тем творчества Бориса Ивановича была жизнь его родного города Свободного, помимо которой он также занимался исследованиями судеб жертв политических репрессий.

Лучшими рассказами, на взгляд многих современных отечественных литературоведов, являются «Плач перепелки», «Остров Дятлинка», «Мазурка», «Туманятся воды», «Возвращение».

Сегодня на уроке мы будем разговаривать о рассказе Бориса Ивановича «Мазурка», имеющем подзаголовок «Рассказ об албазинской казачке».

О создании рассказа «Мазурка» Борис Черных писал следующее: «Мазурку» я промышлял всю жизнь, и, однажды ночью на едином дыхании выплеснул на холст. Теперь я обязан сказать читателю, что образами героев рассказа были незабвенные мои родители – Гутя (в девичестве Самсонова) и Ваня Черных. «Мазурка» – художественный рассказ, поэтому прямых аналогий искать не следует. Но сердце мое стучит в лад с умирающим веком – хоть толику долга вернуть амурской земле, не утаив правды. Поздний потомок разберется, чья правда истиннее – казачья или колхозная, православная или безбожная».

2. Беседа. Вопросы к рассказу «Мазурка»

- Почему рассказ называется «Мазурка»? Какие ассоциации вызывает у вас название рассказа? Подтвердите ваши мысли текстом.

- Как вы думаете, для чего Борис Иванович снабдил рассказ подзаголовком?

- Какое историческое время описано в рассказе? Подтвердите текстом.

- Что вы знаете об Албазино и албазинских казаках?

- Какими перед нами предстают албазинские казаки?

- Какие ещё герои встречаются в произведении?

- Найдите в тексте описание дома атамана Албазинской станицы?

- Какие чувства испытали молодые офицеры, попав в гости к атаману Василию Яковлевичу Савинову?

- Почему Микула назвал младшую дочь атамана Дашу мазуркой?

- Как девушка отнеслась к ухаживаниям польского офицера и почему именно так?

- Меняется ли героиня на протяжении рассказа?

- Как вы думаете, почему Мазурка зимой с малолетними детьми решила отправиться к сосланному в Туруханск мужу?

- Какие трудности пришлось испытать ей и её малышам?

- Как вы думаете, могла ли героиня поступить иначе? Докажите.
- Назовите самый трагический эпизод рассказа. Аргументируйте свой выбор.
- Какие эмоции у вас вызвал этот рассказ?
- Какова на ваш взгляд идея произведения?
- Как вы думаете, оправдало ли себя название этого произведения?

3. Итоги урока

- Что вы узнали о Б.И. Черных?
- Возникло ли у вас желание прочитать другие произведения амурского писателя?
- Понравился ли вам сегодняшний урок?

4. Домашнее задание.

Прочитайте рассказ Б.И. Черных «Ёжик и Капелька». Ответьте письменно на вопрос: Какова главная мысль этого произведения?

ПРОИЗВЕДЕНИЯ Б. И. ЧЕРНЫХ

КНИГИ

1. Гибель Титаника : рассказы, повесть, хроника. – Москва : Совет. писатель, 1992. – 400 с.
2. Избранное : в 2 т. Т. 1 : Есаулов сад. – Москва : Европа, 2007. – 384 с.
3. Избранное : в 2 т. Т. 1 : Старые колодцы. – Москва : Европа, 2007. – 464 с.
4. Мазурка : рассказ об албазин. казачке. – Благовещенск : Приамурье, 2000. – 16 с.
5. Озими : рассказы. – Москва : Терра, 1993. – 236 с.
6. Плач перепелки : рассказы. – Москва : Правда, 1988. – 46 с.
7. Эрька Журо, или Случай из моей жизни : рассказы, очерки. – Владивосток, 2012. – 288 с.

АЛЬМАНАХИ, СБОРНИКИ

1. Чистая лампада : пед. альм. Вып. 1 / под ред Б. И. Черных. – Благовещенск, 2008. – 184 с.
2. Чистая лампада : пед. альм. Вып. 2 / под ред Б. И. Черных. – Благовещенск, 2010. – 184 с.
3. Чистая лампада : пед. альм. Вып. 3 / под ред Б. И. Черных. – Благовещенск, 2010. – 184 с.
4. Шалва Амонашвили и его друзья в провинции : сборник / сост. Б. Черных. – М. : Европа, 2006. – 200 с.

ПУБЛИКАЦИИ В ПЕРИОДИКЕ: ОЧЕРКИ, РАССКАЗЫ, СТАТЬИ, ВОСПОМИНАНИЯ

1. «А может быть, и вы любимы были» : главы из повести // Амур. неделя. – 2000. – 3 февр. – С. 12.
2. «Матренин двор» в Свободном : [к 90-летию со дня рождения А.И. Солженицына] // Лит. газ. – 2008. – 10–16 дек. (№ 50). – С. 6.
3. «Но Лебедь не умеет хором» : очерк // Амур. неделя. – 1998. – 19 нояб. – С. 13.
4. «Сон. Родина. Три колодца...» : из дневника писателя // Амур. неделя. – 1998. – 24 сент. – С. 13.

5. Алтайская быль // Амур. неделя. – 1999. – 23 сент. – С. 11.
6. Бизнес и совесть : круглый стол // Амур. неделя. – 1999. – 20 мая. – С. 13.
7. Будто варяжские гости // Лит. газ. – 2007. – 28 марта (№ 12/13). – С. 6.
8. Валентина : публицист. ст. // Рус. берег. – 2008. – № 17. – С. 14.
9. Варваровка – родная сторона : публицист. ст. // Рус. берег. – 2002. – № 4. – С. 4.
10. Весенние костры : рассказ // Юность. – 1991. – № 9. – С. 75–84.
11. Виктор Рыльский : приглашение к путешествию // Рус. берег. – 2002. – № 10. – С. 12.
12. Возвращение : о людях Братска // Юность. – 1970. – № 4. – С. 94–100.
13. Возвращение : сцена из пушкин. времен // Амур. неделя. – 1999. – 4 марта. – С. 13.
14. Вот июль на ущербе ; Вершит за решеткой окна прихотливый полет ; Предошущая ; Песенка ; Сельский житель и др. : стихи // Амур. неделя. – 1998. – 30 июля. – С. 13.
15. Грачи улетели // Рус. берег. – 2008. – № 20. – С. 15.
16. Грачи улетели : рассказ // Рус. берег. – 2010. – нояб. – С. 15.
17. Грачи улетели ; Там договорим : рассказы // Амур. правда. – 1990. – 10 февр. – С. 9.
18. Гришунино детство : святоч. рассказ // Амур. правда. – 2002. – 31 янв. – С. 6.
19. Жертва вечерняя // Амур. неделя. – 1998. – 13 авг. – С. 13.
20. Живет чудак на свете : об А.Е. Падалко // Амур. неделя. – 1998. – 26 марта. – С. 13.
21. Жить и умереть в Уссурийске : рассказ // Амур. правда. – 1990. – 2 июня. – С. 8–9.
22. Записные книжки : дневниковые записи // Амур. вести. – 1992. – 18 апр. – С. 4.
23. Звездный час Венки Хованского : из Урийских рассказов // Зейс. огни. – 1998. – 17 авг. – С. 4–5.
24. Из писем 1955–1958 // Амур : лит.-художеств. альм. – 2012. – № 11. – С. 47–51.
25. Из ранних дневников // Амур : лит.-художеств. альм. – 2012. – № 11. – С. 44–47.

- 26.Ипатовские истории : рассказы // Крестьянка. – 1997. – № 12. – С. 58–62.
- 27.Июльский дождь : публицист. ст. // Амур. неделя. – 1999. – 22 июля. – С. 13.
- 28.Краснодеревщик : публицист. ст. // Амур. неделя. – 2000. – 20 апр. – С. 11.
- 29.Краснодеревщик : разномыслие о Никите Михалкове // Лит. Россия. – 2000. – 2 июня. – С. 3.
- 30.Куда отступать в час невзгоды? : размышления писателя о част. собственности // Рос. газ. – 1991. – 30 июля. – С. 3.
- 31.Люся выходит замуж ; Грачи улетели ; По лебедям ; Там договорим : рассказы // Лит. газ. – 1990. – 16 мая. – С. 5.
- 32.Мазурка : рассказ // Амур. неделя. – 1998. – 19 февр. – С. 13.
- 33.Мазурка : рассказ // Континент. – 2003. – № 118. – С. 75–84.
- 34.Мазурка : рассказ // Рус. берег. – 1998. – Апр. (№ 2). – С. 14–15.
- 35.Мальчик, игравший в войну : публицист. ст. // Амур. неделя. – 1999. – 28 янв. – С. 13.
- 36.Месяц ясный : из Урийских рассказов // Амур. правда. – 1989. – 8 апр. – С. 8–9.
- 37.Месяц ясный : из Урийских рассказов // Лит. газ. – 1989. – 10 мая. – С. 5–6.
- 38.Мнимости смутного времени : публицист. ст. // Амур. неделя. – 1998. – 22 окт. – С. 13.
- 39.На дворе уж март : рассказ // Амур. комсомолец. – 1992. – 2 мая. – С. 9.
- 40.На последнем берегу : рассказ // Амур. неделя. – 1999. – 4 нояб. – С. 11.
- 41.Надежда умирает последней : ответ писателя на письмо из Свободного // Зейс. огни. – 2008. – 3 дек. – С. 18.
- 42.Наше заветное : публицист. ст. // Амур. неделя. – 1997. – 13 нояб. – С. 13.
- 43.О нравственном состоянии России : публицист. ст. // Рус. берег. – 2010. – № 20. – С. 4.
- 44.О нравственном состоянии России : публицист. ст. // Лит. Россия. – 2011. – 29 июля (№ 30). – С. 4.
- 45.Озими : отр. из повести // Амур. газета. – 1992. – 20–26 апр. (№16). – С. 8–9.

46. Озими : письма из провинции // Огонек. – 1992. – № 27/28. – С. 25–27 ; № 34/35. – С. 22–24 ; № 40/41. – С. 18–20.
47. Озими : письма провинциала // Амур. газета. – 1992. – № 14. – С. 8–9 ; № 16. – С. 8–9, 12 ; № 17. – С. 10–11 ; № 18. – С. 8 ; № 20. – С. 10 ; С. 21. – С. 8 ; № 22. – С. 8.
48. Он верит в Россию : слово, посвящ. 80-летию А. И. Солженицына // Амур. неделя. – 1998. – 10 дек. – С. 13.
49. Он лежал, как снегирь у обочины : отрывок из повести // Амур. комсомолец. – 1990. – 26 мая. – С. 6–7.
50. Опыты быстротекущей жизни : заметки о соврем. лит. // Амур. неделя. – 1998. – 25 июня. – С. 13.
51. Отче наш : реквием // Амур : лит.-художеств. альм. – 2011. – № 10. – С. 36–44.
52. Отче наш : реквием // Москва. – 2011. – № 12. – С. 171–180.
53. Пахари и мудрецы : из истории одного колхоза // Новый мир. – 1988. – № 8. – С. 202–231.
54. По лебедям : рассказ // Континент. – 2003. – № 118. – С. 84–85.
55. По лебедям : рассказ // Первомайский парк. – 2009. – № 9. – С. 3.
56. По лебедям : рассказ // Проспект Пушкина. – 2003. – 17 июля. – С. 9.
57. Приемлю жажду очищения ; Тихо, ласково с синего небушка : стихи // Амур. вести. – 1994. – 20 апр. – С. 4.
58. Прокаженный : рассказ // Родина. – 1990. – № 6. – С. 75.
59. Пыльная буря : рассказ // Амур. неделя. – 1998. – 28 мая. – С. 13.
60. Родные проселки Вампилова // Амур. неделя. – 1997. – 14 авг. – С. 9.
61. Русский берег : из путевых тетрадей // Амур. неделя. – 2001. – 25 янв. – С. 10–11 ; 8 февр. – С. 16–17 ; 22 февр. – С. 16–17 ; 29 марта. – С. 16–17 ; 19 апр. – С. 17 ; 19 июля. – С. 16–17 ; 9 авг. – С. 17.
62. Русский берег : публицист. ст. // Зейс. огни. – 1994. – 11 нояб. – С. 2–3 ; 15 нояб. – С. 3.
63. Старая дорога : рассказ // Лит. Россия. – 1988. – 11 нояб. – С. 18–19.
64. Стихи, написанные в неволе // Амур. неделя. – 1998. – 30 июля. – С. 13.
65. Страшное слово БАМЛАГ // Рус. берег. – 2008. – № 17. – С. 3.
66. Три сотки : воспоминания // Проспект Пушкина. – 2004. – 3 нояб. – С. 11.

67. Три сотки : рассказ // Рус. берег. – 2002. – № 3. – С. 4.
68. Урийская дидактика : отрывок из пьесы // Амур. правда. – 1999. – № 4. – С. 13–14.
69. Урийская дидактика : сцена из пьесы // Амур. неделя. – 1999. – 23 дек. – С. 11.
70. Урийская дидактика : сцены из пьесы // Амур–наш батюшка. – 1999. – № 4. – С. 13–15.
71. Утренние голоса : из дневника писателя // Родина. – 1989. – № 4. – С. 52–53 ; № 5. – С. 56–57.
72. Флоренский – государственный : публицист. ст. // Зейс. огни. – 2003. – 30 июля. – С. 3.
73. Христиана : очерк // Зейс. огни. – 1999. – 21 сент. – С. 3.
74. Христина : публицист. рассказ // Амур. неделя. – 1999. – 19 авг. – С. 13.
75. Час правды : об урийском учителе Ф.И. Посконине // Учит. газ. – 1988. – 22–26 мая. – С. 12.
76. Чистая лампада : воспоминания о Вампилове // Родина. – 1990. – № 4. – С. 57–61.
77. Школьные годы : дневник писателя // Амур. комсомолец. – 1992. – № 4. – С. 5.

ЛИТЕРАТУРА О ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВЕ Б. И. ЧЕРНЫХ

1. Бобошко, А. Столица издала книгу об амурской педагогике : [о кн. Б. Черных «Шалва Амонашвили и его друзья в провинции»] / А. Бобошко // Амур. правда. – 2006. – 13 окт. – С. 3.
2. Борис Черных : «Берегите Вампиловых, они нужны России» : интервью с писателем Б. И. Черных / провела Ю. Климычева // Амур. правда. – 2007. – 9 авг. – С. 24.
3. Борис Черных отметил 70-летие // Амур. правда. – 2007. – 20 июля. – С. 3.
4. Булычев, Ю. «Урийская Россия» Бориса Черных / Ю. Булычев // Амур. газ. – 1992. – № 48. – С. 10.
5. Воронков, А. Возвращение : очерк о писателе Б. Черных / А. Воронков // Благовещенск. – 1998. – 21 авг. – С. 10.
6. Воронков, А. Право на совесть / А. Воронков // Амур. правда. – 1990. – 24 марта. – С. 9.

7. Воронков, А. Прощай, последний Дон Кихот / А. Воронков // Аргументы недели. – 2012. – 19–25 апр. (№ 15). – Прил. : с. 4. – (Аргументы недели – Приамурье) ; 26 апр.–3 мая (№ 16). – Прил. : с. 3. – (Аргументы недели – Приамурье).

8. Грохольский, А. Мои свидетельские показания, или Тридцать лет спустя : (о Вампилов. кн. товариществе) / А. Грохольский // Рубеж : тихоокеан. лит. и краеведч. альм. – 2012. – № 12. – С. 118–125.

9. Данилова, Е. Прецедент с Черных : [о сб. рассказов « Озими»] / Е. Данилова // Моск. новости. – 1993. – 6 июня. – С. 9.

10. Данилова, Е. Эта странная нормальная жизнь : [о сб. рассказов « Озими»] / Е. Данилова // Кн. обозрение. – 1993. – 16 апр. – С. 7.

11. Дело было в прошлом веке... : штрихи к портр. и судьбе писателя Бориса Черных. – Красноярск : Байкальские вести, 2008. – 12 с.

12. Денисова, К. «Прошу поместить без сокращений и комментариев!» / К. Денисова / Зейс. огни. – 1994. – 11 нояб. – С. 4.

13. Добржанская, Л. Увидеть отца и оказаться шпионом : [об истории семьи амур. писателя Б. Черных] / Л. Добржанская // Аргументы и факты. – 2010. – 22–28 сент. – Прил. : с. 3. – (АиФ–Дальний Восток).

14. Жигмытов, Б. Сын 1937 года : [о писателе Б. Черных] / Б. Жигмытов // Зейс. огни. – 2007. – 11 июля. – С. 4.

15. За правдою в Тынду, однако «не всякую правду достаточно говорить» : интервью с писателем Б. Черных о поездке в Тынду / провела М. Макарова // Амур. неделя. – 1998. – 23 апр. – С. 13.

16. Искандер, Ф. О Борисе Черных и его прозе / Ф. Искандер // Огонек. – 1987. – № 52. – С. 54.

17. Климычева, Ю. Б. Борис Черных отметил бы сегодня 75-летие / Ю.Б. Климычева // Амур. правда. – 2012. – 13 июля. – С. 7.

18. Климычева, Ю. Б. Писателя Бориса Черных похоронят в Свободном : [5 апр. 2012 г. ушел из жизни амур. писатель Б. И. Черных] / Ю.Б. Климычева // Амур. правда. – 2012. – 6 апр. – С. 2.

19. Князев, В. Высокопарных слов не надо опасаться / В. Князев // Амур. вести. – 1992. – 28 февр. – С. 4.

20. Короткова, Е. Последняя воля писателя : 9 апреля город простился с Б. И. Черных / Е. Короткова // Зейс. огни. – 2012. – 11 апр. – С. 3.

21. Короткова, Е. «Сад искусств» Б. Черных : [Свободный должен стать духов. столицей обл.] / Е. Короткова // Зейс. огни. – 2007. – 28 февр. – С. 7.

22.Короткова, Е. Борис Черных: «Свободному суждено стать духовной столицей области» / Е. Короткова // Зейс. огни. – 2006. – 18 окт. – С. 6–7.

23.Кривченко, А. Гражданский подвиг писателя: / А. Кривченко // Амур : лит.-художеств. альм. – 2012. – № 11. – С. 54–56.

24.Лаврентьев, М. От корней до вершин : [рец. на кн. «Избранное» в 2-х т.] / М. Лаврентьев // Лит. газ. – 2008. – 9–15 апр. (№ 15). – С. 6.

25.Лацис, О. Рожденный в Свободном / О. Лацис // Зейс. огни. – 2004. – 14 июля. – С. 6.

26.Лебединый стан : 70 лет рус. писателю Б. И. Черных. – Благовещенск, 2007. – 30 с.

27.Назарова, И. С. Черных Б.И. Избранное : в 2-х т. : [рец. на кн. «Избранное» в 2-х т.] / И. С. Назарова // Амур : лит.-художеств. альм. – 2008. – № 7. – С. 59–60.

28.Ольхов, П. А. Звательный падеж (Вместо послесловия) : о реквиеме «Отче наш» / П. А. Ольхов // Амур : лит.-художеств. альм. – 2011. – № 10. – С. 45.

29.Падалко, А. Очарованный странник / А. Падалко // Зейс. огни. – 2007. – 11 июля. – С. 4.

30.Писатель Борис Черных будет похоронен в Свободном // Зейс. огни. – 6 апр. – С. 1, 15.

31.Плач по несбывшемуся : интервью с писателем Б. Черных / провела М. Макарова // Амур. неделя. – 1997. – 2 окт. – С. 11.

32.Поздняков, В. Светлая память! : о писателе, публицисте, члене Союза рос. писателей Б. И. Черных / В. Поздняков // Свободная газета+. – 2012. – 11 апр. – С. 1–2.

33.Пономарев, А. Вы еще не готовы, Владимир Ильич : [о писателе Б. Черных] А. Пономарев // Амур : лит.-художеств. альм. – 2012. – № 11. – С. 56–57.

34.Сергеева, Т. Борис Черных о русском : творч. вечер Б. И. Черных / Т. Сергеева // Амур. неделя. – 2001. – 17 мая. – С. 3.

35.Хороших, Г. До и после зоны / Г. Хороших // Журналист. – 1990. – № 10. – С. 31–34.

36.Черкесов, В. Осознанный путь / В. Черкесов // Амур : лит.-художеств. альм. – 2012. – № 11. – С. 52–53.

37.Черных, Б. «Пора подводить итоги» : интервью с писателем Б. И. Черных / провел А. Волков // Зейс. огни. – 2004. – 14 июля. – С. 6.

38. Черных, Б. «Тихоокеанские смыслы русского берега» : интервью с писателем Б. И. Черных / провела М. Маркова // Рус. берег. – 1998. – Апр. (№ 2). – С. 4.

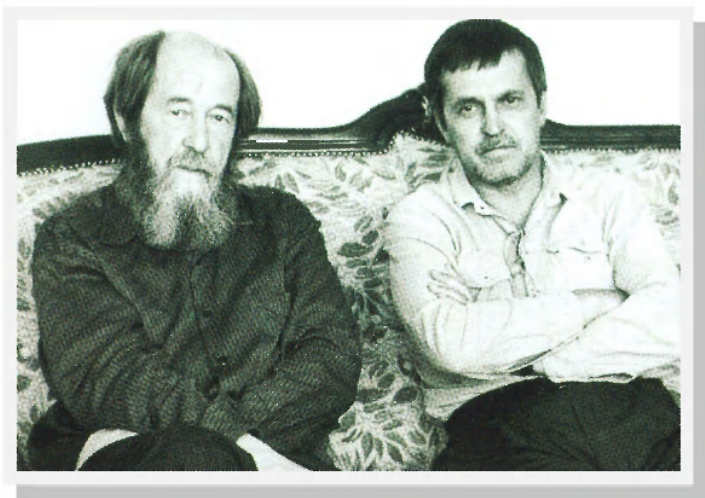
39. Черных, Б. «Тихоокеанские смыслы русского берега» : интервью с писателем Б.И. Черных / провела М. Маркова // Амур. неделя. – 1997. – 4 дек. – С. 10.

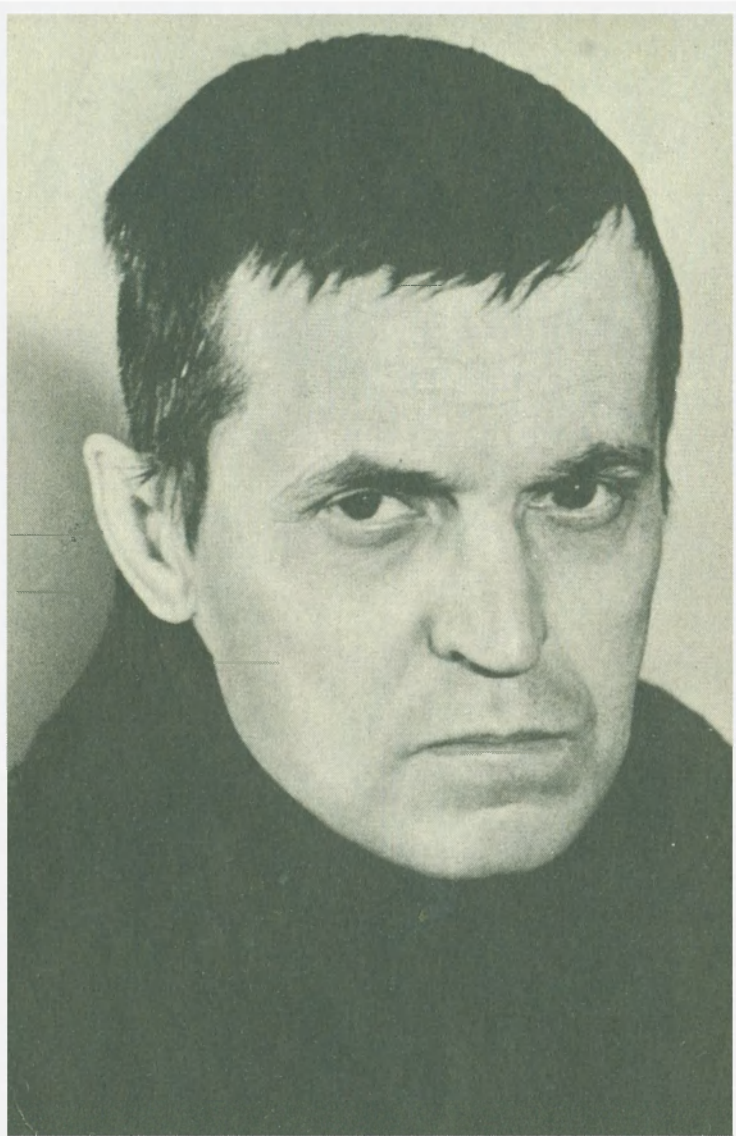
40. Черных, Б. «Я в плену своей судьбы» : интервью о творчестве с писателем Б. И. Черных / провел С. Свиридов // Аргументы и факты. – 2007. – Ноябрь. (№ 46). – Прил. : с. 16. – (АиФ–Дальний Восток).

41. Читая жизнь мою : библиогр. указ. / сост. Л.М. Жернакова. – Благовещенск, 2007. – 12 с.

СОДЕРЖАНИЕ

От составителя	3
Жизнь и судьба Б. И. Черных: мятежный странник	5
Общественная деятельность Б. И. Черных	25
Публицистика Б. И. Черных: гражданский подвиг писателя	35
Литературно-художественное творчество Б. И. Черных: осознанный путь	46
Б. И. Черных в воспоминаниях и оценках современников	65
Методические рекомендации к изучению жизни и творчества Б.И. Черных на уроках литературного краеведения	76
Урок литературного краеведения	78
Произведения Б. И. Черных	81
Литература о жизни и творчестве Б. И. Черных	85

Борис Иванович Черных

Это русский писатель с зорким и любящим сердцем, он пишет о русской судьбе - стремительной и долгой, как лучшие простые и печальные баллады и песни нашего много повидавшего народа. Они спеты доверчиво и открыто, как поет обычно русский человек, бледнея лицом на горьких стихах и возносясь на счастливых.

В. Курбатов

